

Ли Доу

Я приду,
когда будет
хорошая погода

날씨가 좋으면
찾아가겠어요

Ли Доу
**Я приду, когда будет
хорошая погода**
Серия «Лучшие дорамы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68899431

Я приду, когда будет хорошая погода: Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-132807-8

Аннотация

После конфликта с руководством молодая учительница рисования Мок Хэвон возвращается из шумного Сеула в деревню, где она провела несколько лет в старшей школе и где живет ее тетя, и пытается переосмыслить жизнь. После яркого и насыщенного города заснеженные улочки кажутся тихими и уютными, а жизнь – размеренной и безмятежной.

В стремлении найти новую себя девушка пытается отремонтировать гостевой дом, которым владеет родственница, но он, кажется, не подлежит восстановлению. Во время одной из прогулок Хэвон натывается на книжный магазин. Оказывается, им управляет Лим Ынсон, ее сосед и одноклассник, который ходил в одну с ней школу и с которым она изредка перебрасывалась парой слов.

Пытаясь обрести настоящих себя, найти свой путь и исцелить раны, Хэвон и Ынсоп становятся друзьями... А может, не только друзьями?

Содержание

Глава 1. Дом «Грецкий орех»	6
Глава 2. «Старый Робин из Портингейла»	17
Глава 3. Легенда о грустном марשמеллоу	28
Глава 4. Слухи	32
Глава 5. «Ветер в ивах»	45
Глава 6. Фонари под крышей	60
Глава 7. Старый дом во сне	64
Глава 8. Каша из опилок и Эльдорадо	78
Глава 9. Аристократка с запада	90
Глава 10. Лось в ночи	96
Глава 11. Мы собираемся, чтобы читать	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ли Доу

Я приду, когда будет хорошая погода

*Есть только одна причина,
почему мне нравится зима.
Листья, закрывавшие мое окно, опадают,
И напротив начинает виднеться твое окно.
Пройдет Рождество, наступит Лунный Новый
год,
И ты приедешь на несколько дней в деревню.*

#

#####

I'LL FIND YOU ON A BEAUTIFUL DAY
LEE DO WOO

#####

(I'll Find You on a Beautiful Day)

by Lee Do Woo

Copyright © 2018 by Lee Do Woo

All rights reserved.

First published in Korea in 2018 by Sigongsa Co., Ltd.

Russian translation copyright © 2022 by AST Publishers Ltd.

© Галингер П.А., перевод на русский язык, 2022

Глава 1. Дом «Грецкий орех»

Автобус проезжал мимо покрытых инеем полей Хечхон-ыпа, окруженных горами. Солнечный свет был слабым, и пейзаж за окном выглядел почти ахроматическим, как на старой пленочной фотографии.

Хэвон выключила смартфон, в который смотрела, прислонившись к окну автобуса. В новостях писали, что в пустыне Сахара выпал снег. Белые песчаные дюны – нет, снежные холмы, которые появлялись на экране, поражали, а само выпадение снега в пустыне не было удивительным. Эта зима выдалась особенно морозной.

Автобус приближался к деревне Пукхён-ри, проезжая мимо замерзших рисовых поленьев, на которых лежали большие белые «маршмеллоу». Цилиндры для сбраживания соломы, оставшейся после сбора урожая риса. Как же они называются на самом деле? Кажется, она когда-то слышала их название, но сейчас никак не могла его вспомнить. Хэвон еще мгновение смотрела на них, а потом перевела взгляд на виднеющийся вдалеке на рисовых полях каток. На следующей остановке ей выходить.

Проснувшись на рассвете несколько дней назад, Хэвон чуть не расплакалась. Негоже грустить или плакать без причины – это признак слабости. Ей это не нравилось: словно она какая-то сентиментальная полуночница. Нет, само выражение «грустить без причины» неверно. Если положить руку на сердце и заглянуть глубоко в себя, то, по правде говоря, причина известна. Просто нет желания в ней признаваться. И, чтобы не обращать на нее внимания, остается только делать вид, что не знаешь.

Хэвон закончила университет искусств и преподавала на подготовительных курсах к нему. Когда она рисовала, запутанные мысли покидали ее, и на душе становилось спокойно. Ей нравились запахи краски и текстура бумаги. Однако в какой-то момент она поняла, что с помощью рисования тоже можно вести войну.

– Что ты здесь делаешь? Я ведь поправляю твой рисунок.

Это случилось прошлой осенью. Ученик отпра­сился в туалет, и его очень долго не было. Она пошла искать его и нашла на крыше, где он курил с другими подростками. Увидев Хэвон, он раздраженно бросил:

– Просто исправьте сами!

Это чужая работа, но, если учитель исправит рисунок недобросовестному ученику и он станет чуть лучше, тому будет все равно. Однажды она услышала, как парень, пришедший на конкурс рисунков, рассказывал своим друзьям:

– У меня никак не получался рисунок. И я так разозлился, что просто закрасил обратную сторону черной пастелью. А вот мой сосед очень хорошо справился. Я сдавал работу сразу за ним, поэтому, положив свой рисунок поверх его, незаметно потерял его.

– Вау, должно быть, пастель перепачкала его рисунок?

– Ну конечно!

Сама того не сознавая, Хэвон подошла к группе громко хохотавших детей:

– Что ты сказал сейчас? Что ты сделал, когда сдавал работу?

Парень оглянулся с удивленным выражением лица, а затем повторил с гордой улыбкой:

– Я закрасил обратную сторону черной пастелью и запачкал рисунок, который лежал снизу.

Хэвон вышла из автобуса на остановке у поворота к де-

ревне Пукхён-ри. Дул холодный ветер. Она запахла воротник пальто, поправила шарф, подняла чемодан и продолжила свой путь.

Шум с катка на рисовом поле нарушил зимнюю тишину. Каждый год примерно в это время вода, которой заливают рисовые поля после сбора урожая, превращается в лед. Увидев каток, который служил в Пукхён-ри детской площадкой, и маршмеллоу на поле, она поняла, что наконец вернулась.

Поднимаясь по холму, девушка остановилась, заметив незнакомую вывеску: **Книжный магазин «Гуднайт».**

Старый черепичный дом стоял в этой деревне очень давно, но сейчас ее внимание привлекла новая вывеска. Раньше здесь жила пожилая пара. Вероятно, сменился владелец?

«Книжный магазин у нас в деревне?»

На раздвижной двери висел замок. Хэвон заглянула сквозь решетку в тускло освещенную комнату. Внутри под мягким солнечным светом, падающим через окно, можно было различить книжный шкаф и длинный стол. Кто бы это ни придумал, попытка ему удалась: здесь есть какая-то атмосфера. Даже в Сеуле районные книжные магазины не выживают. Хотя небольшие независимые книжные иногда появляются как нишевый рынок, их владельцам все равно приходится туговато.

Ей почему-то стало стыдно за мысли, что такой магазин не продержится здесь долго. И Хэвон продолжила подниматься по холму, придерживая рукой спутанные на ветру волосы.

Она шла по дороге с большим чемоданом и экосумкой на плече.

Мок Хэвон?

Ынсоп на мгновение потерял концентрацию и споткнулся, едва дойдя до края катка. Он закрыл и снова открыл глаза. Да, это она. Он думал, что и в этом году она не приедет.

– Дядя, ты больше не будешь кататься? – скользя по льду, Сынхо догнал его и остановился рядом.

– Нет, просто кое-кто проходил мимо.

– Кто?

Ынсоп посмотрел на мальчика. После того как в течение нескольких дней он, держа племянника за руки, учил его кататься на коньках, даже такой неспортивный ребенок теперь уверенно держался на льду.

– Мой давний... друг.

– Друг?

– Все, пошли дальше кататься!

Ынсоп постучал по надетому на шерстяную шапку шлему Сынхо и подтолкнул мальчика вперед по льду. Невысокий и миниатюрный, девятилетний ребенок не ладил со сверстниками. Он заскользил вперед, стараясь не натолкнуться на кружащих по льду людей.

Друг.

А считает ли она так же? Можно ли всех своих одноклассников из средней и старшей школы называть друзьями? Он

видел, как Хэвон остановилась перед книжным и заглянула в окно, слегка наклонившись вперед, словно ей было любопытно узнать, что за новый магазин здесь появился.

Ынсоп тихонько простонал. Книжный магазин сейчас закрыт. Все из-за дяди, который перед заморозками заливает рисовое поле водой, а зимой продает в теплице рыбный суп и ттокпокки¹. Он-то и попросил Ынсопа помочь на катке из-за нехватки рабочих рук. В самом деле, владелец рисового поля, старающийся собрать двойной урожай!

Жаль, что он не может просто переместиться в пространстве. Он бы открыл перед ней раздвижную дверь и сказал: «Добро пожаловать. Давно не виделись!»

Девушка снова взяла чемодан и направилась дальше по холму.

На дороге, ведущей к гостевому дому «Грецкий орех», все еще лежал нерастаявший снег. Здесь деревенская тропа вела на ближайшую гору. Когда-то давно это был гостевой дом «Пукхён», которым владела ее бабушка, но, когда Хэвон было пятнадцать лет, его унаследовала тетя Мёнё, и они вместе переехали сюда.

Женщина взяла у соседей коричневую собаку, которую называли Грецкий Орех. Она хотела, чтобы ее племянница привязалась к деревне. Пес уже тогда был довольно взрослый, но прожил долго и умер всего несколько лет назад.

¹ Рисовые клецки в остром соусе.

Грецкого Ореха больше нет, а название дома сохранилось.

– Тетя, я приехала.

Промерзшая деревянная терраса внутреннего дворика скрипнула под ногами. Затем раздался скрип железной входной двери с полупрозрачным стеклом. Она не увидела тетью, даже когда, взяв сумку, поднялась по лестнице на второй этаж.

Комната Хэвон, в которой она жила подростком, несколько не изменилась. Кровать, письменный стол, комод и двухмодульный шкаф. Красный диван, который ей подарили на выпускной. Все ее вещи так же остались нетронутыми. Мёне хотела сохранить комнату к приезду племянницы в прежнем виде, хотя Хэвон несколько раз и предлагала убрать вещи в коробки и отнести их в кладовую: сложно все время стирать с них пыль.

Она отдернула занавеску и выглянула в окно. Одноэтажная кирпичная пристройка для гостей, плющ, опавшие листья, виноградные лозы и тропа, ведущая на гору, – все было прежним. Соседний дом, который стоял так близко, что, если сбросить плоды с дерева, они упадут во двор этого дома, тоже не изменился. Просто все выглядело старше, чем тогда, когда она приезжала в прошлый раз.

Ее внимание привлекли два новых здания, возвышающихся с другой стороны холма. Эти великолепные двухэтажные дома были гостевыми. Она негромко вздохнула. Дом «Грецкий орех» не пользовался популярностью. Вот и сей-

час постояльцев не было – поэтому тети и нет дома.

На кухне она нашла чайник и заварила черный кофе. На полке над раковиной стояла фотография Хэвон, обнимающей Грецкий Орех. Сколько ей тогда было, восемнадцать? В угол кадра попала спина старушки, поливающей цветочное дерево во дворе.

Пока бабушка не скончалась, ореховый дом, в котором жили три женщины, напоминал треугольник. Мирный треугольник... Тесноватый, но зато стабильный. Они заботились друг о друге и старались не ссориться, когда одна из них была не в духе. Казалось, что каждая пытается найти свое уютное и безопасное место в не очень большом доме.

Когда с годами руки ослабели, бабушка все чаще использовала для всего подряд ножницы. Если было трудно развязать полиэтиленовый пакет, она разрезала его. Веревку, подвязывающую шпинат, натянула – и чик-чик. Говорила, что руки у нее уже не те. Как же тогда она сломала чандоктэ²? Ее старые железные ножницы до сих пор лежали на полке.

В старости бабушка очень переживала за дочерей. Хотя о своей первой дочери, матери Хэвон, она намеренно не говорила, но порой выражала разочарование второй дочерью, Мёнё. Это была обида, даже скорее печаль. Умная и образованная тетя в юности путешествовала по миру, написала и опубликовала книгу. Как однажды все это стало бесполез-

² Традиционный помост во дворе для чанов с соусами.

ным. Она сказала, что бросит работу и вернется в родной город, будет жить в гостевом доме. Бабушке это не понравилось.

Скрипнула входная дверь, послышался лай собаки. Хэвон вздрогнула. Грецкий Орех?.. Коричневый пес, простучавший лапами по полу, был очень похож на него. Он подозрительно наморщил нос и обнюхал незнакомку.

– Хэвон, это ты?

Тетя Мёнё повесила вязаную шапку на вешалку. Она прошла на кухню, поставила на стол завернутую в платок кастрюлю и улыбнулась племяннице.

– Я только что приехала. Кто это?

– Сын Грецкого Ореха.

– У Грецкого Ореха были дети?

– Еще до того, как мы переехали сюда, родились щенки. Хозяин умер, и я забрала его.

Было странно слышать, что коричневый пес, который перестал обнюхивать ее и ушел на террасу, – сын Грецкого Ореха.

– Как его зовут?

– Печеный Каштан.

Хэвон засмеялась:

– Семья орехов.

Он уже выглядел старым и немного прихрамывал на одну лапу.

– Если заскучаешь, бери с собой собачку.

– Приятно видеть, что он похож на Грецкого Ореха.

Мёнё угукнула и развернула ткань, накрывавшую кастрюлю.

Кажется, она уже забыла, как трудно ей было смириться со смертью Грецкого Ореха. Хэвон не стала напоминать об этом тете. Вместо этого она указала на фотографию на полке:

– Тетя, ты смотришь на меня каждый раз, когда моешь посуду? Я тронута.

– Ты об этой фотографии? Я и забыла. Правильно говорят, что если оставить какую-то вещь надолго в одном месте, то вскоре вовсе перестанешь ее замечать.

Хэвон с досадой цокнула языком и посмотрела на тетю Мёнё. У той, одетой в хлопковые шаровары и стеганный жилет, были потускневшие, неухоженные волосы без завивки.

– Что ты так смотришь? Выгляжу старой?

– Да, пожалуй.

– Это потому, что мы не виделись два года. Теперь, когда тебе тридцать, ты тоже выглядишь иначе.

– Я повзрослела.

Тетя Мёнё фыркнула. Она поставила кастрюлю с кашей на газовую плиту, достала из фольги пирог и положила его на тарелку.

– Я сказала, что ты приезжаешь, и Суджон приготовила для тебя тыквенную кашу и пирог. Как раз ходила забрать их. Она занятой человек, но подвезла меня обратно до дома на машине.

– Чего это она, я же ее не просила.

– Тебе просто следовало бы быть благодарной. Тетушка Суджон все так же любезна!

Хэвон взяла кусок пирога, начиненный тонкими фруктовыми ломтиками, и поднесла ко рту. Пирог был еще теплым и пах яблоками.

– Как долго ты пробудешь здесь на этот раз? Дней пять?

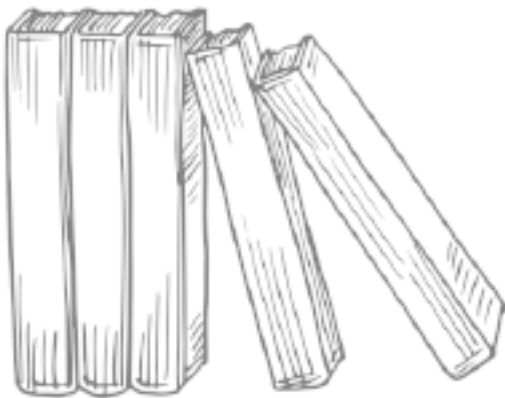
– Я не вернусь.

– Что?

– Я собираюсь остаться здесь на некоторое время. Я уволилась с работы.

Рука Мёнё, резавшая пирог, замерла. Хэвон улыбалась, а тетя лишь молча смотрела на любимую племянницу.

Глава 2. «Старый Робин из Портингейла»

Ночью температура падала, а числа на регуляторе котла не увеличивались. Вечером, вымыв посуду, Хэвон в качестве временной меры обмотала шланг от крана скотчем. Вода протекала в середине шланга, но, похоже, тетя об этом не знала.

Женщина включила обогреватель, надела очки для чтения и устроилась на диване с книгой. Каштан лег на подушку рядом с ней и задремал. За спиной у женщины на стене коридора на деревянных панелях были выгравированы слова,

которые Хэвон выучила, приезжая в ореховый дом и бесчисленное множество раз проходя мимо:

*Когда просыпаешься от первого сна
и завариваешь горячий чай,
При следующем пробуждении печаль утихнет.*

Тетя Мёнё часто вспоминала о своей поездке в Шотландию. Далекая страна, в которой Хэвон никогда не была. Эдинбург, Глазго, Абердин... Она слышала названия городов, но не могла бы представить их виды. А вот тетя, кажется, до сих пор не забыла переулки и дома. Она рассказала, как в гостевом доме, переоборудованном из жилого, ей встретилось вышитое полотно с латинскими буквами.

Вышивка с устаревшими словами, которые сейчас не употребляются, была похожа на скатерть с потертыми уголками. Тетя, изучавшая английский язык, спросила хозяина и узнала, что вышитый текст – отрывок из старинной шотландской баллады «Старый Робин из Портингейла»: «Печаль утихнет... Было бы хорошо. Почему грустно, когда просыпаешься посреди ночи? Если в это время заварить горячий чай, то будешь меньше грустить, когда снова проснешься».

Она рассказывала, что долгое время хранила записную книжку с этими словами, переведя их на корейский. Словно заклинание, это было ее утешением в те дни, когда она была одна в чужой стране.

Хэвон нравилось видеть тетю, погруженную в счастливые

воспоминания, когда та рассказывала о днях своей юности. Девушке хотелось увлечься тем же, что любила тетушка в ее возрасте. Мама и тетя были столь же разными, как Восток и Запад. Мама была реалистичным и сухим человеком. Ски-тающаяся по свету ее беззаботная сестра выглядела свободной. Когда она вернулась к племяннице, все изменилось.

«Я не так талантлива, как полагала. Буду заботиться о Хэвон, пока она не станет взрослой».

В тот день бабушка сломала чандоктэ палкой. Тетя только смотрела на нее, скрестив руки. Сердце Хэвон колотилось. Она думала, что ее не примут, но на следующий день бабушка убрала сломанный чандоктэ и, по крайней мере, ни разу не сказала Хэвон ни одного худого слова.

Хэвон заварила чай в чайнике, разлила по двум кружкам и произнесла:

- Похоже, тут новый гостевой дом? Целых два.
- Да, – ответила тетя Мёнё, перевернув страницу.
- Может, и нам повесить гирлянды?
- Не нужно. Это вредит деревьям.
- Сейчас зима.

Ответа не последовало. Заметив, что женщина не хочет говорить о состоянии гостевого дома, Хэвон стала тихонько пить чай. Ей стало не по себе, когда она увидела, что на декабрьском развороте настольного календаря сегодняшнее число было обведено и помечено надписью: «День приезда Хэвон». В той же ячейке мелким шрифтом было напечатано

название праздника.

– Тетя, ты знала, что сегодня в Южной Африке День примирения?

– Нет. А что, есть такой?

Хэвон поставила чашку и пролистала предыдущие страницы календаря. В каждом месяце было много праздников. Всемирный день кофе, День смеха, День телевидения... Был даже День молока и День левшей. Она рассмеялась. Найти и выписать настолько тривиальные праздники... Автор календаря либо пошутил, либо сделал это на полном серьезе. В любом случае – зануда тот еще.

– Откуда у тебя этот календарь? Здесь фотография Пукхён-ри.

– Мне дал его Ынсоп из соседнего дома. У него свой книжный магазин.

Лим Ынсоп?

Оказывается, это он управляет книжным магазином, который она видела днем. Хэвон вспомнила его лицо. Одноклассник, который ходил с ней в ту же среднюю и старшую школу в Хечхон-ыпа. Очень неразговорчивый. Они жили по соседству, но лишь здоровались при встрече. Кажется, он потом бросил учебу. Есть ли он в выпускном альбоме? Хэвон не могла вспомнить.

– И как идут дела? Даже в Сеуле районные книжные не выживают.

– Вроде бы неплохо... С момента открытия прошло,

должно быть, больше года.

– Вот как. А здорово, когда в деревне есть книжный магазин.

Мёнё сняла очки и закрыла книгу.

– Не беспокойся о магазинах, расскажи о себе. Так как ты собираешься жить теперь?

– Я хочу жить хорошо.

– Так как ты собираешься жить хорошо?

– Я могу жить, как ты.

Она произнесла это в шутку, в то время как Мёнё слегка нахмурилась:

– Тебе нравится надо мной потешаться? Как насчет того, чтобы обучать рисованию? Здесь наверняка есть женщины и дети, которые захотят научиться.

– Хм... Здешние дети – хорошие слушатели?

– Неужели детям обязательно нужно тебя слушать?

Хэвон вздохнула и призналась:

– Я пришла к выводу, что... Я не думаю, что рисованию или письму можно научить. Талантливых людей учить не надо, а других – бесполезно.

Это прозвучало холоднее, чем она хотела. Мёнё посмотрела с упреком, и Хэвон смущенно пожала плечами:

– Я сказала что-то плохое? Только горячим чаем в меня не брызгай.

– А ты сказала что-то плохое?

Несмотря на саркастичность, Мёнё смягчила выражение

своего лица.

– Ты, видимо, даже и заметила, как оскорбила меня. Поговори со мной, если хочешь, я спокойно выслушаю тебя.

Она слышит оскорбления даже там, где их нет. Когда ее мама и тетя жили вместе, Хэвон несколько раз становилась свидетельницей их ссор. Казалось, они никогда больше не захотят друг друга видеть. Как будто мама колола острой иглой, а тетя била по голове большим камнем. Но даже после такой ожесточенной ссоры уже через несколько дней сестры смеялись и ели вместе, наряжались в одежду друг друга и болтали, чем озадачивали юную Хэвон. Теперь все это в прошлом.

– Как мама? – спросила тетя, словно прочитав ее мысли.

– Должно быть, хорошо.

– Ты с ней не видишься?

– Вижусь. Раз в несколько месяцев. Мы едим и пьем кофе.

Но мать и дочь не ходили вместе за покупками, не смотрели кино, сидя рядышком. Когда времена года менялись, мама первая звонила ей, спрашивала, ела ли она нэнмён³ летом, горячую еду зимой, а потом в кафе они в течение часа говорили о пустяках. Кроме этого им было нечего сказать друг другу.

– Знаешь, давно не рисовала людей. Ненавижу рисовать людей.

Мёне облокотилась на диван и наблюдала за своей пле-

³ Холодная гречневая лапша.

мянницей.

– Мне кажется, у меня нет права учить кого-то.

– Вот как. Не знала, что у тебя такая низкая самооценка.

– Дело не в этом. Это не потому, что я думаю, что недостаточно хороша. Просто есть тип людей, которые могут учить других. Но не я. Я осознала это.

– А не потому, что ты слишком много души в это вкладываешь? И ждешь от людей слишком много.

Вот как, растерянно подумала Хэвон. Нет, она ничего ни от кого не ждала с пятнадцати лет. Только быстрее разочаровалась в своих способностях и узнала свои пределы. Так же, как тетюшка перестала писать, она... Хэвон покачала головой, чтобы прогнать эту мысль.

Где-то в деревне залаяла собака. Каштан приподнял голову с подушки и вскоре снова задремал. Тетя Мёнё крепко спала в комнате внизу.

Хэвон не могла заснуть. Надев кардиган, она вышла на темную террасу. Тапочки, в которые она засунула босые ноги, были ледяными. Хэвон задрожала от холода, но почему-то это было приятно. Погруженная в темноту деревня выглядела очень тихой. На деревьях у нового гостевого дома на склоне холма мигали лампочки гирлянд. По сравнению со старым ореховым домом даже ночью там было тепло, и это словно манило зайти внутрь.

Она включила радиатор на террасе. При многократном

включении и выключении он задрожал, словно просыпаясь от зимней спячки. Запахло бензином.

«Ты рисуешь с таким сердцем? Как может человек, который думает, что можно испортить чужой рисунок, создать свой собственный!»

Вспоминая об этом сейчас, она не знала, почему поступила так в тот день. И сейчас Хэвон снова задавала себе этот вопрос. За время ее работы случалось и что похуже.

Ей часто приходилось нервничать, когда академия увеличивалась или уменьшалась, преподаватели уходили и приходили, замечая результаты вступительных экзаменов и количество студентов. Директор места, где она впервые получила работу, потребовал от Хэвон поступить в другое учебное заведение в качестве студентки и узнать, как там преподают и какая там атмосфера. Хэвон это не понравилось: это означало шпионить за другими. Директор сказал, что это ради исследования.

Она проработала неделю, но больше не захотела. Несколько месяцев спустя, идя по улице, чтобы купить кимбап⁴ своим ученикам, случайно наткнулась на директора академии. Он искоса смотрел на Хэвон как на шпионку, и она надолго запомнила его лицо.

Ко многому девушка относилась как к формальностям и вела себя соответственно, но в тот день она, сама того не сознавая, схватила парня за плечо. Он вывернулся, и тонкий

⁴ Корейские роллы.

джермпер порвался.

Она спросила цену одежды. На следующий день пришла мать ученика и перевернула учительскую с ног на голову, требуя возмещения оплаты за обучение и извинений. Директор извинился от своего имени и вернул деньги, а после вымыл швабру в ведре и умышленно вылил грязную воду на Хэвон.

Все говорили, что в этом нет ничего страшного, что если зацикливаться на таких вещах, то не сможешь работать. Но это не действовало. Думать, что ничего не произошло, – самообман. Так посмотреть – необязательно был виноват ученик. Это произошло и потому, что столько всего навалилось, да и он просто под руку попался.

«Тр-р-р...» Кто-то выехал на тропу на скутере, нарушив ночную тишину, и остановился под фонарем между ореховым домом и соседним. Хэвон, которая шла по террасе со скрещенными руками, встретила глазами с Ынсопом, когда тот слезал со скутера. Между их домами было всего несколько метров.

Ынсоп, одетый в парку, снял перчатки и шлем. В свете фонаря она увидела его взлохмаченные волосы. Некоторое время оба сомневались, стоит ли здороваться.

Хэвон первой нарушила неловкость в ночном воздухе.

– Привет. Давно не виделись.

– Привет. Ты сегодня приехала?

– Как ты узнал?

– Я видел с катка, как ты шла.

От их дыхания шел пар. На Хэвон были розовые пижамные штаны, свитер и кардиган. Ее волосы были намного длиннее, чем когда Ынсоп видел ее в последний раз два года назад. Он заметил, что она стоит на террасе в одних тапочках.

– Холодно, почему ты вышла?

– Не могла заснуть, захотелось подышать свежим воздухом. Я уже скоро пойду.

Масляный обогреватель на террасе почти не давал тепла. Обхватив себя руками, Хэвон спросила:

– Ты владеешь книжным магазином?

– Да.

Двое замерли на мгновение. Ынсоп, казалось, хотел что-то сказать. Но произнес только:

– Ладно. Когда подышишь, иди в дом.

Он припарковал скутер и обернулся, услышав голос Хэвон.

– Я хотела спросить...

Ынсоп остановился.

– Эти марשמеллоу на поле. Цилиндры из соломы. Как они называются?

На мгновение на лице Ынсопа промелькнуло странное выражение. Глядя на нее, он сказал:

– Ты задавала этот же вопрос три года назад.

Хэвон выглядела немного озадаченной:

– Правда? Я помню, что мне кто-то говорил. Но забыла, что это был ты.

– Тюк. Еще его называют силос.

«Тюк...» – пробормотала Хэвон себе под нос.

– Сложно запомнить.

– Спроси меня еще раз следующей зимой. Я тебе снова скажу. Спокойной ночи.

Ынсоп улыбнулся, быстро махнул ей рукой и вошел в дом. Оставшись одна, Хэвон выключила керосиновый обогреватель и стала смотреть, как он остывает.

Настоящее название «маршмеллоу» – тюк. Хэвон решила, что, пожалуй, она все же будет называть их маршмеллоу. Дул холодный ветер. Ярко светила луна.

Глава 3. Легенда о грустном маршмеллоу

БЛОГ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

8 декабря

Сегодняшний завоз: «Словарь значений вещей на языке цветов», Ималли

Я получил независимое издание «Словаря значений вещей на языке цветов». Автор поведал, что долго

писал книгу и собирал к ней фотоматериал.

Сперва, получив запрос на комиссионную продажу, я поинтересовался, что означает «язык цветов». Подобно тому, как у каждого цветка есть значение, так и у вещей, встречаемых нами в повседневной жизни, есть подходящее им значение. Но какое? Вот что меня волновало.

Если клевер на языке цветов означает счастье и удачу, то что на языке вещей означает камера? По мнению Ималли, это мгновение, секунда... И хотя его не так просто изучить, выглядит он вполне рациональным. Для начала я заказал две книги в качестве эксперимента. На домашней странице книжного магазина рассказал об этом издании и надеюсь, что кто-то им заинтересуется.

...Кстати, маршмеллоу на языке цветов означает «безразличие», а также «неспособность вспомнить».

Проблема катка на рисовом поле

Я открыл магазин полтора года назад, но в последнее время дядя создает мне проблемы. Раньше книжный работал шесть дней в неделю, но сейчас, когда зима в самом разгаре, дядя постоянно просит меня помочь ему на катке. Из-за этого магазин все чаще бывает закрыт.

Уехавшие в город двоюродные братья должны знать о моих трудностях. Я бы хотел взять сотрудника на полставки, но дядя не слишком доверяет незнакомым людям. В этом вся проблема. Если не приду я, то он должен будет сам отвечать за безопасность на катке, но

в его годы уже тяжелоовато носиться по льду.

Кроме того, кто-то еще должен выдавать напрокат коньки и шлемы. Вдобавок тетя открыла рядом с катком закусную. Моих родных не остановить!

В любом случае рано или поздно мне придется найти сотрудуника себе на замену. Но перед этим нужно будет все хорошенъко обговорить, чтобы дядя и тетя на меня не обиделись. А деньги, заработанные на катке этой зимой, я вложу в книжный магазин. Да, дядюшка, у твоего племянника есть тайные намерения.

Проблема сувенирной продукции книжного

Год назад я выпустил настольный календарь. (Почему нет Дня маршмеллоу?) Были планы выпустить и в этом году, но я поздно спохватился. В прошлый раз календарь был с фотографиями, а в календарь следующего года я хотел поместить милые иллюстрации. Но мне не удалось найти художника. Еще я хотел напечатать отдельно открытки с такими же иллюстрациями, как в календаре, но уадется ли теперь...

Я слишком занят. Это все каток... Думаю, на этом можно и закончить.

Три часа ночи. В соседнем доме, в комнате Х., горит свет. Она сказала, что ей не спится, поэтому она вышла. Мне самому бессонница привычна, но неужели ей страдает и Х.? Предложить ей присоединиться к клубу «Гуднайт»?

Но я, наверное, не смогу. Да, не смогу. (Смайлик.)
Поэтому спи спокойно, Х.

Члены клуба «Гуднайт», разбросанные по всему миру, вам тоже спокойной ночи. Когда увидите маршмеллоу на зимнем поле, вспомните, что где-то в Канвондо живет человек, который дал глупый ответ. Спроси меня еще раз следующей зимой, и я снова и снова отвечу, что есть парни, которые говорят одни и те же глупости. Думаю, у вас бы получилось лучше.

На этом спокойной ночи.

В этой деревне морозно и ярко светит луна.

Конец связи.

Блог книжного магазина «Гуднайт», закрытая запись.
Опубликовал: #⁵

Глава 4. Слухи

Несколько дней спустя всю ночь шел снег. Метлой сметя его с террасы, Хэвон вышла на тропинку перед домом. Нужно убрать сугробы до того, как дорожка покроется льдом.

У соседнего дома Ынсоп уже чистил снег лопатой. Они обменялись приветствиями и продолжили молча чистить тропинки. Были слышны только звуки лопаты, зачерпывающей снег, и метлы на тропинке.

– Не убрали тыкву?

В засыпанном снегом огороде между двумя домами Хэвон наткнулась на желтую тыкву. Она присела перед ней. Рук в перчатке смела снег, и показались плоды, замерзшие в

этом природном морозильнике. Соседи бережно возделывали свой огород, и она удивилась, почему на этот раз они не собрали урожай. Ёнсоп, наблюдая за ней через плечо, сказал:

– Видимо, потому, что я один здесь расту, вот и не позаботился.

– В этом году никто не занимался огородом?

– Мои родители уехали. В позапрошлом году переехали в Хечхон, в городскую квартиру. Решили, что в загородном доме им уже тяжело жить и что здесь холодно.

– Так ты один живешь?

– Да.

Хэвон продолжала сметать снег в поисках замерзшего урожая. Она наткнулась на засохший аспарагус и побеги люфы, понурившие свои головы. Перчатки намокли, и она на мгновение засунула руку между коленями, а затем снова взялась за метлу.

Она попыталась смести снег, который лежал в тени и уже успел покрыться ледяной корочкой, но ничего не вышло. Тогда Ёнсоп подошел и разбил его лопатой. Снег, лежавший на ветвях дерева, упал, осыпав лицо и волосы Хэвон. Тогда она встряхнула головой, и Ёнсоп почувствовал, как по руке у него бегут мурашки. Словно перышко... Ощущение, мягкое и щекочущее, поднялось к затылку.

Хэвон вдруг вспомнила, что утром толком не умылась, а волосы лишь слегка расчесала пальцами. Она исподтишка

бросила взгляд на Ынсопа: он несильно отличался. Его растрепанные густые волосы были похожи на воронье гнездо, а под паркой была домашняя толстовка.

Но все же... Он изменился. Ей так кажется потому, что они давно не виделись? За последние лет десять они только обменивались короткими фразами при встрече. Часто бывает, что кто-то, кого ты, казалось, знаешь, спустя время на самом деле уже не тот.

– В этот раз надолго останешься? – спросил Ынсоп, не глядя на Хэвон.

– Да. Думаю, что до весны.

– Ты останешься в деревне?

– Наверное. Пока такие планы.

Он продолжал орудовать лопатой. Вдруг непонятно откуда послышался треск, и раздался громкий голос:

– А-а! Снег убираешь? Давай, здесь тоже убери!

Ынсоп выпрямился и достал из кармана парки рацию. Из динамиков донесся какой-то звук, и Хэвон оглянулась. Из-за забора нижнего дома показались седые волосы старосты деревни.

– Я вас и так слышу, зачем же по рации? – сказал своему дяде Ынсоп.

– Что говоришь?

– Просто скажите...

– Но я тебя не слышу!

Тут дядя вставил слуховой аппарат, и его морщинистое

лицо расплылось в улыбке:

– О! Школьница из дома «Грецкий орех» приехала?

– Здравствуйте! – поздоровалась Хэвон.

Ынсоп нахмурился:

– Школьница, говорите... Это уже давно не так.

– Действительно. Теперь ты взрослая, очень взрослая.

И все же староста озорно улыбнулся, словно он смотрел на деревенских детишек. Хэвон тоже просто улыбнулась. Для пожилых людей пять или десять лет не имеют большого значения. Из динамиков снова вырвался треск:

– Сходи потом на каток, да захвати скребок! Теплицу тоже нужно почистить.

Когда седые волосы старосты исчезли за забором, Ынсоп покачал головой и сунул рацию обратно в карман парки. Он вытер пот со лба и, вздохнув, продолжил расчищать дорожку.

– Я помогу.

– Нет, тебе-то зачем? Можешь идти.

– Все в порядке, у меня полно времени.

Ынсоп, наблюдая, как Хэвон сметает метлой снег, произнес:

– Пока ты здесь... скажи мне, если тебе что-нибудь понадобится.

– Что-нибудь понадобится?..

Хэвон почувствовала себя странно. Что ей может понадобиться? В эти дни, по правде говоря, ничего. Это не значит,

что у нее все есть: на самом деле у нее почти ничего нет. Но она действительно не знала, что ей нужно.

– Например?

– Может быть, машина. У твоей тети ее нет.

Тетя Мёнё не умела водить. Она плохо ориентировалась и однажды, двигаясь не в том направлении, наткнулась на стог сена в поле, после чего машина не подлежала ремонту. Иногда постояльцы гостевого дома просили, чтобы их встретили на вокзале или у станции, но хозяйка дома всегда отказывалась. Решение она обосновывала тем, что если вы сами не можете прийти в гостиницу, то и ночлега не получите. На самом же деле она просто не любила водить.

Оба на некоторое время закрыли глаза. Молодые люди вспотели и устали, но наконец дорожка была расчищена. И когда каждый направился домой со своими инструментами для уборки снега, Хэвон неожиданно сказала:

– Я вспомнила, что мне нужно.

Ынсоп смотрел на нее.

– Что же?

– Мне нужна машина. Одолжи мне ее, пожалуйста.

Ынсоп помолчал мгновение, а затем рассмеялся. Хэвон тоже засмеялась.

– Сегодня?

– Да.

Ынсоп указал на серебристо-серый внедорожник, припаркованный рядом с огородом. Он достал из кармана толстов-

ки ключ и бросил его Хэвон. Поймав его в воздухе обеими руками, она ощутила исходящее от ключа тепло.

– Тетя, а Ынсоп... Пока меня не было, он исчез, а затем вернулся? – Хэвон вышла из ванной, вытирая волосы полотенцем.

Мёнё, варившая рис на кухне, фыркнула:

– Почему ты вдруг о нем спрашиваешь?

– Кажется, он изменился.

– Почему? Потому что машину одолжил?

Повязав полотенце как тюрбан, Хэвон села за стол.

– Да. Но еще... Трудно сказать. Это определенно один и тот же человек, но ощущается он другим. Вот как в фильмах инопланетяне похищают людей, а вернувшись, пропавшие меняются.

– Неуважительно говорить такие вещи о порядочном молодом человеке.

Оглянувшись, тетя добавила:

– Ынсоп куда-то уезжал вроде бы. Несколько лет не видела его, а потом он снова появился, но я не придавала этому большого значения.

Вот как. В школе Ынсоп казался человеком, который всегда останется таким же. Он не был лучшим учеником, не принадлежал к популярным группам ребят и плохо ладил с одноклассниками. Он был тем, которого на цветной фотографии словно изображают в цвете сепии. Хэвон казалось,

что Ынсоп тогда чувствовал себя не в своей тарелке. В то же время она не знала, в этом ли была вся проблема.

Собравшись и сев в машину, она заметила на заднем сидении коробку с книгами. Автомобиль плавно завелся и не скользил при спуске благодаря полному приводу.

Впервые за долгое время она получала удовольствие от вождения. Как-то Хэвон купила подержанную машину, но вскоре была вынуждена отдать ее по более низкой цене из-за проблем с парковкой и сложного маршрута до работы – ей хотелось бы катить в одиночестве по тихой дороге.

Ынсоп соскребал снег с теплицы у катка. Проезжая мимо, она припарковала машину на обочине. Когда Ынсоп обернулся, Хэвон опустила окно и, вытащив из кармана куртки грелку для рук, бросила ему:

– Лови!

Отбросив деревянный скребок, Ынсоп вскинул руки и ловко поймал грелку. Когда окно поднялось и машина уехала, он широко улыбнулся.

– Что такое, дядя? – спросил Сынхо, держа в руке пипидастр.

– Провернул удачную сделку.

– Продал много книг?

– Вроде того. Стряхни и здесь тоже.

Сынхо смахнул снег с бока теплицы, а Ынсоп, держа в одной руке грелку, другой продолжил счищать снег с крыши.

Перед мэрией Хечхона была установлена большая рождественская елка. Хэвон оставила машину на бесплатной стоянке и направилась в строительный магазин. Перед этим она несколько дней ходила по гостевому дому, тщательно составляя список в блокноте.

В строительном магазине она купила большой шланг, дверные ручки, электродрель и несколько видов винтов. Подумав немного, добавила лопату для уборки снега. Зайдя в отдел красок, выбрала две банки мятного и молочного цветов, а также кисть и валик. Она не смогла за раз все унести, и ей пришлось несколько раз сходить на стоянку.

Было похоже, что город сильно изменился. Появились высокие здания, которых Хэвон раньше здесь не видела, и повсюду были кафе и аптеки, уже украшенные к Рождеству. Заметив магазин аксессуаров для интерьера, она импульсивно толкнула дверь и вошла. Приближался конец года, и ей хотелось отпраздновать его с тетей. Даже если вам нечего отмечать, всегда можно отпраздновать то, чего не произошло.

Купив двухметровую искусственную ель, украшения и гирлянды, Хэвон еще выбрала в другом магазине две бутылки вина. Было чувство, что она решила за раз управиться со всеми делами, пока у нее есть машина. Чеки и квитанции быстро накапливались и уже не помещались в кошелек.

И вот она шла обратно по обледенелой дороге с коробкой в руках. Открыв багажник и расположив покупки так, чтобы

они не сталкивались, она уже задвинула туда коробку с искусственным деревом, как вдруг услышала:

– Мок Хэвон?

Она подняла голову. На нее с удивлением смотрел молодой человек в деловом костюме и галстуке. Она узнала его: это был ее одноклассник Ли Чану.

– Привет, как дела? Вот так встреча!

– Вот и я о том же! Я работаю в мэрии, а что ты здесь делаешь?

Последний раз Хэвон присутствовала на встрече выпускников семь или восемь лет назад. В школе Чану был популярен: он всегда был вежливым и общительным. Она думала, что парень выберет более престижную профессию.

– Приехала несколько дней назад. А ты, оказывается, здесь работаешь!

– Да, со мной на государственной службе Хечхон ждет светлое будущее. Хочешь зайти и выпить кофе?

Хэвон колебалась. Чану весело улыбнулся и указал большим пальцем на офисное здание. По чашечке, а? Она кивнула и закрыла дверцу машины.

Они вошли в новое и чистое помещение. Еще на входе она почувствовала, как тепло внутри. Здесь сохранился запах свежего ремонта, а в вестибюле с высокими потолками в окружении цветочных горшков были расставлены скамейки. Хэвон уже собралась взять американо в автомате, но Чану

остановил ее. Попросив ее немного подождать, он сбегал и принес две чашки кофе из офиса.

– Это мой любимый капсульный кофе. Ты непременно должна попробовать.

– Спасибо.

У кофе было едва заметное кисло-фруктовое послевкусие.

– Кстати, ты приехала как раз вовремя. В сочельник у нас встреча выпускников. Ты тоже приходи. Можно прийти с любимым человеком: у нас некоторые будут с парой.

Чану говорил очень приветливо и с любопытством ждал ответа. И так, вопрос в том, есть у нее кто-то или нет. Хэвон засмеялась:

– Мне даже о себе трудно позаботиться.

– Вот как.

На его губах расплылась лукавая улыбка:

– Тогда это значит, что у тебя нет других планов. Многие будут рады тебя видеть. Я часто вижу тех, кто остался в Хечхоне, с детьми. Кстати, хочешь посмотреть фотографии?

Чану достал телефон и принялся листать перед ней фото. Забытые лица замелькали перед Хэвон. Она моргнула и уставилась на экран. Незнакомцы... Столкнувшись на улице, они пройдут мимо друг друга. Но стоит только понять, что это твои одноклассники, как сразу в памяти всплывают их молодые лица.

Затем на фотографии, сделанной на встрече выпускников

в ресторане, она увидела ее. В дальнем углу Боён, слегка приподняв голову за спинами друзей, говорила тост, держа в руке бокал вина. Но вот палец Чану коснулся экрана, и ее фигура мгновенно исчезла.

– У тебя есть соцсети? Добавишь меня, и их страницы автоматически появятся перед тобой.

– Вот оно что.

У Хэвон оставалось еще полчашки кофе, но она поставила ее и встала. Чану последовал за ней с сожалением на лице. Он взглянул на часы и сказал:

– Тебе жаль, что мы так провели время? Как насчет того, чтобы позвонить друзьям и поужинать вместе?

Хэвон улыбнулась и покачала головой:

– Не сегодня. Я должна помочь тете.

– Да? Хорошо, тогда в следующий раз.

Кивнув, Чану проводил ее до входа. Когда они легонько обнялись на прощание, она почувствовала запах хорошего мужского парфюма. Он махнул ей рукой и поднялся по лестнице внутрь здания, а Хэвон направилась к парковке. Она подумала, что человек, который был звездой класса в средней и старшей школе, ничуть не изменился. Встречаясь спустя долгое время, мы неизбежно касаемся давних воспоминаний. Воспоминаний, которые на самом деле всегда были на поверхности.

«Знаешь, почему Мок Хэвон живет здесь, в доме своей тети?»

Мысли о прошлом, пришедшие с прохладным вечерним ветром, завертелись в голове. Она рассказала эту историю только одному человеку, своей лучшей подруге, не сомневаясь, что та сохранит ее в тайне до конца жизни. Этим человеком была Боён. Милая и робкая Боён.

В тот день шел дождь. Была их очередь дежурить, и после уборки они обнаружили, что в корзинке только один зонт. Кто-то без зонтика забрал чужой и ушел. Это был зонт Хэвон.

– Мой дом близко, я добегу.

Они вместе шли под зонтом Боён до автобусной остановки перед школой, а потом она побежала под дождем, как будто в ее руке был зонт. Милый ребенок, который много смеялся и плакал.

Устроившись на водительском сиденье, Хэвон завела двигатель и включила обогреватель. Пока машина разогревалась, над мэрией сгустились сумерки.

Казалось, что дети в школе делятся на тех, кто знал секрет Хэвон, и тех, кто еще не знал его. Это было похоже на дихотомию. Сейчас, когда она стала взрослой, все было бы по-другому, но тогда ей было семнадцать, и было трудно принимать своих друзей искренне. Когда кто-то подходил к ней, она думала, что до этого ученика дошли слухи. А если он не знает этого сейчас, рано или поздно все равно от кого-нибудь услышит, так что в конце концов будет то же самое.

В зеркале заднего вида отражалось ее равнодушное лицо. Хэвон выдохнула и расслабилась. Нужно вернуться домой и поужинать с тетей.

В зеркале замерцала цепочка, которую повесил Ынсоп. На прикрепленном к ней медальоне размером с монету было выгравировано «*Goodnight, Irene*».

Спокойной ночи, Айрин?..

Кто такая Айрин? Хэвон стало любопытно. Возможно, это ник в электронной почте или блоге. А может, имя его девушки.

В последнее время Хэвон почти не пользовалась соцсетями. Раньше она публиковала свои рисунки, но в какой-то момент интернет словно переполнился талантливыми иллюстраторами. Она не понимала, что изменится, если в лесу, полном листьев и цветов, она добавит еще один цветок или еще один лист.

Конечно, это могло быть просто предложением. И в мире есть страстные и упорные люди, которые не потеряли веру в свою мечту. Но сейчас ей не хотелось ни о чем думать.

Она повернула руль и медленно выехала с парковки. Вскоре низкое зимнее солнце село, и машины на дороге одна за другой стали включать фары.

Глава 5. «Ветер в ивах»

Несколько дней Хэвон без передышки трудилась, не снимая рабочие перчатки. Она заменила протекающий шланг под раковиной и заклеила края герметиком. Заменила дребезжащие дверные ручки новыми. Поднимаясь и спускаясь по лестнице, заделала дырки от старых гвоздей и в нужных местах вбила новые с помощью электродрели.

Душевая лейка была заменена на новую с хорошим напором воды. Продолжая приводить в порядок каждый уголок, она находила себе все больше работы, даже захотела еще по-

ложить новую плитку в ванной, но это оказалось бы слишком дорого. Пришлось отказаться от этой идеи.

Она надела плотную куртку и маску и стала смешивать краску во дворе. Не в силах больше этого выносить, тетя Мёнё вышла на террасу и сказала:

– Ты собираешься красить прямо сейчас, зимой?

Не глядя на нее, Хэвон ответила:

– Я смотрела прогноз погоды. Ни снега, ни дождя не обещали. Ветер тоже несильный. Значит, можно красить.

– Смешно.

Хэвон нахмурилась:

– Смешно? Что ты имеешь в виду? Я пытаюсь привести дом в порядок.

– А что не так с домом?

– Так ведь гостей даже нет. Даже если отзывы уже побывавших здесь хорошие, неизвестно, приедут ли к нам снова. Я сама не захотела бы здесь останавливаться.

– Пристройка в хорошем состоянии.

Делая вид, что не слышит, Хэвон осторожно прокатила по стене дома пропитанный краской валик. Не слишком ли бледный оттенок она выбрала? Но, когда стена будет полностью покрашена, дом будет выглядеть светлее и чище.

– Когда уже этот мятный цвет выйдет из моды? На это холодно даже просто смотреть, – снова резко сказала Мёнё.

Хэвон мельком взглянула на тетю и, стиснув зубы, продолжила энергично катать валик. Она немного волновалась,

потому что никогда не красила такой большой дом – только одну комнату, в которой жила. Но сейчас ей хотелось сделать все самостоятельно, не прося ни у кого помощи.

Она красила только внешнюю стену первого этажа, передвигая стул и снова взбираясь на него, но до позднего вечера не успела закончить даже половину. И все же закрашивание ржавых красных пятен от капающей с карниза дождевой воды приносило умиротворение.

Но она перетрудилась, и теперь у нее болели плечи и спина. Решив на сегодня закончить, Хэвон занесла краску и инструменты в дом. Каштан с любопытством следил за ней.

– Нельзя. Это опасно.

Хэвон убрала все так, чтобы собака не смогла достать, и пошла на кухню. Она проголодалась. Было время ужина, но на столе ничего не было. Потирая поясницу, она подогрела суп, достала из холодильника закуски. Накрыв на стол, она постучала в дверь тетиной комнаты. Ей показалось, что женщина спит, сидя на стуле, накрывшись одеялом и надев солнечные очки. Но, услышав стук в дверь, та подняла голову – она просто задумалась.

– Зачем ты носишь солнечные очки в доме?

– Кто-то красит стены зимой, а я ношу солнечные очки.

– Пойдем кушать, пожалуйста.

подавив вздох, Хэвон вернулась на кухню и стала есть одна. Тетя не выходила из своей комнаты. У нее почему-то вдруг испортилось настроение. Обычно тетя Мёнё была бес-

конечно милой и веселой, но, когда она становилась слишком чувствительной, ее лучше было не трогать. В такие моменты лучше всего было просто оставить ее в покое на некоторое время.

И все же Хэвон было немного грустно. Она хотела украсить дом для своей тети, быть полезной. Однако та совсем не была счастлива, скорее, наоборот, и у Хэвон болела душа. Бывает такое: встречая после долгой разлуки человека, которого ты знал, уже не узнаешь его. Выходит, с членами семьи подобное тоже может случиться?

С наступлением темноты ветер усилился. Хэвон занервничала. Включив свет на террасе, она вышла во двор и... разочарованно ахнула. Свежая краска не выдержала холода и теперь шелушилась, напоминая змеиную кожу.

– Похоже на новую художественную технику!

Мёнё стояла с ней рядом и любовалась авангардным искусством. Смущенная Хэвон угрюмо сказала:

– Извини. Я как-нибудь все исправлю.

– Не думаю, что ты что-либо изменишь до весны. Как ты будешь красить второй этаж? Дом теперь разного цвета сверху и снизу.

– Мы можем пока считать, что такова задумка?

Мёнё покачала головой и вошла внутрь, не проронив больше ни слова.

Негромко играло радио. Тетя читала книгу на диване. Хэвон принялась распаковывать коробку с елкой, которую ку-

пила несколько дней назад. Собрав по инструкции искусственные еловые ветки, она достала декоративные бусины с искрящимся жемчугом и большую гирлянду с синими и белыми огнями: ее хватит, чтобы обернуть высокую рождественскую елку.

Зазвонил телефон, заглушив музыку по радио. Хэвон, держа гирлянду в одной руке, подняла трубку:

– Дом «Грецкий орех».

– Это гостевой дом? Я собираюсь в поездку и хотел бы остановиться у вас.

– Да, конечно. На какие даты?

Долгожданный гость! Она с готовностью отвечала, но Мё-нё махнула рукой, говоря «нет». Когда Хэвон не поняла, женщина сложила пальцы вместе, показав крестик.

– Минуту, пожалуйста. Я проверю комнату и перезвоню вам по этому номеру. Спасибо.

Хэвон повесила трубку и спросила:

– Что ты говорила, тетя?

– Я сказала не бронировать номер. Я подала запрос на удаление нашего номера из справочника гостевых домов, но, видимо, он не был обработан.

– Что ты имеешь в виду? Почему ты не принимаешь бронь?

Мё-нё с усталым лицом сжала виски. Она закрыла книгу и произнесла:

– Честно говоря, с момента закрытия бизнеса прошло уже

больше года. Этот дом больше не гостевой.

После минутного молчания Хэвон спросила:

– Почему?

– Я устала. И я уже старая.

– Тетя, тебе лишь немного за пятьдесят. О чем ты говоришь?

– Тебе тридцать, и твои слова не приносят мне утешения.

Проблема в душе. Моей душе уже восемьдесят.

Она взяла со стола бумажник.

– Сколько ты потратила на покупки? Я все верну.

– Не нужно. Я сама хотела все это купить.

– Не думаю, что после того, как ты уволилась с работы, у тебя много денег. Я не хочу приносить неудобства.

Хэвон слегка скривилась. Слова тети ее расстроили.

– Какие неудобства? Тогда то, что я приехала сюда, тоже неудобства? Я же твоя семья...

Менё резко оборвала Хэвон:

– В любом случае я не хочу, чтобы ты тратила деньги на дом. Просто не обращай внимания.

– Вау, это уже слишком. Любой, кто услышит это, подумает, что я приехала сюда его унаследовать. Даже если ты вышла из бизнеса, ты же все равно живешь здесь, тетя. Вода подтекает, бойлер не греет, тут и там что-нибудь сломано...

– Ты хочешь отремонтировать этот дом для меня? Нет, ты борешься с огнем внутри себя! Сбежав, ты хочешь себя чем-то отвлечь.

Правда, которую невозможно отрицать, ранит сильнее ножа. У Хэвон на глазах навернулись слезы.

– Да, тетя. Это так. Но это... слишком жестоко. Тебе обязательно было это говорить?

Хэвон бросила бусины и гирлянду обратно в коробку и, захлопнув дверь, вышла из дома.

Она пожалела об этом меньше чем через минуту. Нужно было взять куртку и следовало надеть сапоги. От холода обида только беспричинно усиливалась. Она дрожала, идя по темной ночной дороге в домашних свитере и юбке, и звук шагов преследовал ее, словно тень. Только слезы, скатывавшиеся по щекам, были теплыми.

Она остановилась на перекрестке трех дорог. Оживленный пейзаж в лунном свете был тихим, а каток на рисовых полях, шумный днем, сейчас словно спал, неосвещенный. Взгляд Хэвон невольно упал на дом с черепичной крышей. Там горел свет.

Его было недостаточно, чтобы осветить ночь, но выглядело уютно. Как свет ночника в спальне или свет фонарей в деревне Пукхён-ри.

Идти было некуда. Она вытерла слезы и глубоко вздохнула, и изо рта пошел пар. Она подошла ближе к зданию книжного магазина. На небольшой доске, висевшей на стене у входа, белым мелом было что-то написано. Такие вывески обычно были на стенах кафе.

*Триллер утром,
мелодрама вечером.
Грэм Грин*

...Увидев такую надпись, захотите ли вы зайти и купить книгу? Не знаю, кто такой Грэм Грин. Писатель, похоже. Верно: жизнь должна быть триллером утром и мелодрамой вечером. Размышляя таким образом, Хэвон медленно открыла раздвижную дверь.

– Добро пожаловать, – Ынсоп поднял голову. Казалось, он был немного удивлен.

Хэвон слегка улыбнулась, задавая себе вопрос, не зашла ли она невовремя.

– Я увидела, что открыто, и зашла посмотреть. Все в порядке?

– Что ж, иногда мы открыты до полуночи.

Девушка не могла сказать, что ушла из дома после ссоры с тетей. Поэтому начала рассматривать книжные полки, надеясь, что он не станет расспрашивать, почему она не надела пальто такой холодной ночью. К счастью, Ынсоп ничего не сказал.

Внутри остались нетронутыми низкие потолки, красивые толстые балки и деревянные рамы окон. Пол был покрыт светло-серым цементом, а книжные шкафы по обеим сторонам стен были обрамлены деревянным каркасом. Характерный теплый приглушенный свет создавался несколькими

лампами накаливания, свисающими с потолка.

– Кофе закончился, но есть черный и имбирный чай. Какой ты будешь?

Она обернулась. Ынсоп кипятил воду в электрическом чайнике в части, которая, похоже, раньше была кухней. Здесь была оборудована простая барная стойка с кухонными принадлежностями. Видимо, сотрудники могли обедать прямо здесь.

– Черный. Спасибо.

У входа на столике с книгами лежали галька и ракушки, вероятно, собранные на берегу Японского моря. Они были очень красивыми, но создавали летний антураж и совсем не подходили текущему сезону.

Ынсоп протянул ей чашку с заваренным чаем, и Хэвон тихонько вздохнула. Было так приятно обеими руками держать дымящуюся чашку.

– Чай из пакетиков, так что он не очень вкусный.

– Ничего, все нормально.

Тем временем Ынсоп достал электрический обогреватель и включил его. Через некоторое время, когда холод покинул тело, Хэвон с любопытством произнесла:

– Кхм... Я хотела спросить, почему книжный магазин называется «Гуднайт».

На самом деле она хотел спросить об Айрин, имя которой видела в машине, но это казалось чем-то слишком личным.

– Ну... Потому что хорошо спать – это здорово! Хорошо

просыпаться, хорошо есть, хорошо работать. Отдыхать и хорошо спать – это хорошая жизнь.

– Так в этом вся суть жизни?

– А в чем же еще? Все страдают, потому что даже этих простых вещей не выполняют.

– Вот как, – кивнула Хэвон.

Ынсоп сказал мягко:

– Могу тебе что-нибудь посоветовать. Правда, я не знаю, какой жанр тебе нравится.

– Я хотела просто посмотреть. На самом деле нечасто читаю романы.

– Почему же?

Хэвон на мгновение задумалась. Если она покупала что-то в книжном магазине, то чаще всего выбирала артбук или сборник легких эссе. Не то чтобы она сознательно избегала романов, просто так вышло.

– Герои в них создают разные инциденты и конфликты... Думаю, потому, что я слишком сопереживаю, когда читаю. К тому же личности персонажей сложны... Но, как я уже сказала, я не знаю. Я просто читала не очень много романов.

– Это не имеет значения. Читай то, что хочешь, читатель.

Ынсоп пошутил, и она рассмеялась. Большинство новых книг размещались на решетчатых прямых полках, но книги на внутренней полке были другими. Они были явно не новыми, и во многих даже были закладки с прикрепленной к ним биркой с именем.

– У вас и подержанные книги есть.

Он покачал головой:

– Это книги, которые читают здесь участники клуба. Поэтому они не новые.

– Читают здесь?

– Я хотел найти способ, чтобы людям было комфортно заглядывать сюда. Чтобы они относились к книгам как к вину или виски.

Немного смутившись, он почесал затылок и засмеялся. Такая у него была идея: чтобы гости клуба, которые не в настроении читать дома, приходили и читали здесь, когда у них есть свободное время, а дочитав, забирали книгу с собой.

Открылась раздвижная дверь, и над входом зазвенел колокольчик.

– Здравствуйте! – тепло поприветствовав молодых людей, вошел пухлый круглолицый мужчина за сорок в искусственной дубленке. Достав с полки книгу, он сел за длинный стол посередине и, держа ее на расстоянии, как дальнозоркие люди, принялся читать.

Прочитав с абзац, он сказал:

– Все здесь хорошо, только вот свет немного темноват. Было бы здорово изменить освещение на светодиодное.

– Если темно, может, включить лампу для чтения? – подав гостю чашку чая, Ынсоп включил установленную на столе лампу.

Чтобы не мешать им, Хэвон бесшумно рассматривала

полки. Было ли это из-за запаха книг, который был здесь повсюду, – но она почувствовала себя более непринужденно, чем раньше. Она услышала, как Ынсоп печатает что-то на своем ноутбуке, а затем как мужчина за столом кашлянул.

– Не хотите установить подсветку для вывески снаружи? Сейчас, может быть, ее и можно прочесть, но вот ночью вообще ничего видно не будет.

– Да нормально.

– Если вход освещен, бизнес будет успешным. Так уж это работает. Всего одна светодиодная лампа заменит большое количество обычных ламп. Если бы рядом был еще один магазин, то он бы выделялся. Но твой магазин тут единственный.

Мужчина в дубленке дружелюбно улыбался. Все это происходило уже не в первый раз, поэтому Ынсоп просто ответил тем же.

– Ночью здесь не так много прохожих.

– Да, это правда.

Допив чай, он встал, поставил книгу на прежнее место и попрощался.

– Сегодня я не успею прочитать несколько глав. Но вернусь в пятницу вечером.

– Вы придете?

– Если все будет хорошо, обязательно приду. Я ведь начал читать книги, чтобы улучшить свои письменные навыки.

Начав с предложений сменить освещение, он на удивле-

ние легко сдался и покинул книжный магазин с довольной улыбкой. Снова прозвенел колокольчик над входом. Ынсоп и Хэвон, оставшись в магазине вдвоем, смотрели друг на друга.

– Он ходит в книжный клуб? Похоже, у него другая цель.

Ынсоп ответил смущенно:

– На самом деле он продает светодиодное освещение.

Они засмеялись.

– Но все же он прочитал несколько страниц.

Хэвон взяла в руки одну из книг:

– Она в нескольких экземплярах.

«Ветер в ивах». На одной из полок было несколько книг с одинаковым названием. Обложка и издатель были разными, но произведение одним и тем же. По выражению лица Ынсоп казался расслабленным.

– Это моя книга. Здесь собраны версии с разными иллюстрациями. Интересно, что главные герои в ней – животные. Конечно, поскольку они антропоморфные персонажи, их также можно считать людьми.

Листая книгу и рассматривая иллюстрации с животными, устраивающими пикник под ивой у реки, водяными крысами и кротами, катающимися по реке на пароме, она сказала:

– Надо же... Почему тебе нравится эта книга?

Ынсоп ответил не сразу. Он оперся локтем о стол и выглядел задумчивым, склонив подбородок. Казалось бы, вопрос был задан просто из любопытства, но выражение его лица

было серьезным. Хэвон подумала, что она задала слишком странный и личный вопрос. Может быть, он не хочет подробно рассказывать об этом другим людям?

Глубоко задумавшись, он наконец произнес:

– Не сказать, что история очень интересная. Однако некоторые сцены не забываются. Порой, когда мне трудно, я снова перечитываю эту книгу. Вот что она значит для меня.

Хэвон молча кивнула. Было до странности больно возвращать растрепанную, десятки раз прочитанную книгу на место. Она не знала, зависть это или ревность. Есть ли у нее что-то, чем она захочет дорожить столь же сильно? Ей стало грустно, когда она представила, что такой вещью могла бы быть картина. Она забыла, что, когда училась в школе, хотела создавать иллюстрации и что мечтала издать вместе с тетей Мёнё книжку с картинками.

Она украдкой посмотрела на Ынсопа, который спокойно стучал по клавиатуре. Он хорошо выглядел даже в коричневых брюках, сером свитере и с всклокоченными густыми волосами. Бывший одноклассник, живущий по соседству... Человек, которого она знала с давних пор, но на самом деле совершенно не знала.

Часы книжного магазина показывали ровно девять часов вечера. Автобус промелькнул в окне, не остановившись под фонарем на остановке. Хэвон поставила пустую чашку на стол.

– Пожалуй, я пойду. Я тебе помешала. Еще и чай пила.

Ынсоп встал и взял парку, которая висела на стуле.

– Надень.

– Не стоит. Я просто быстро добегу.

– Это мне быстро доехать на скутере, а тебе придется идти, – с этими словами Ынсоп надел парку на плечи Хэвон.

Она вышла из книжного магазина и засунула руки в куртку. Большая и просторная, она пахла им и была теплой. Как будто внутри вшита лампочка накаливания, подумала Хэвон.

Глава 6. Фонари под крышей

БЛОГ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

14 декабря

#

Она плакала.

Перед тем, как войти в мой магазин.

Открывая дверь, Х. улыбалась, но было видно, что ей грустно. Я ничего не мог сделать, потому что даже себя не могу утешить.

Сегодняшний завоз книг: «Ночуя на улице», Ким Сончхаль

Завезли один экземпляр «Ночуя на улице». Автор книги, основываясь на своем трехлетнем опыте путешествий по стране и жизни преимущественно на улице, описывает места, где можно безопасно переночевать. Такие, по его словам, можно найти в каждом городе. В парке Ильсан в Кёнгидо есть кирпичная модель иглу. Взяв с собой одеяло, можно укрываться от ветра всю ночь. Он исследовал места, где можно устроиться для ночлега, не только на материке, но и на острове Чеджу и острове Марудо. (Если это можно назвать исследованием.)

Честно говоря, сначала я не хотел заказывать эту книгу, но я лично знал автора. Мы случайно встретились в поезде и какое-то время были попутчиками. Он сказал, что ему негде жить. Но не похож он на человека, который это так оставит. Поэтому, тогда он скитался по стране. Сейчас он нашел работу в китайском ресторане.

...Кажется, трудно будет найти покупателей для этой книги. И все же я заказал один экземпляр.

Немного длинная история

Трудно произнести вслух то, о чем думал слишком долго. А иногда правильнее промолчать. Х. спросила, почему книжный магазин называется «Гуднайт». Я готов не спать всю ночь, чтобы ответить на этот вопрос.

Но мои слова прозвучали глупо, и тогда она спросила, в этом ли суть жизни. Как же так вышло! (Мне хочется плакать.) Но когда она сама, словно из ниоткуда, пришла в мой магазин, отчего-то грустная, мог ли я просто спокойно и серьезно сказать ей:

«Давней темой моей жизни была спокойная ночь».

И вот поэтому...

Мы сидим у обогревателя, лицом к лицу. Я беру ее за руку и рассказываю. Однажды я не мог уснуть до рассвета и думал: было бы хорошо, если бы люди, которые часто просыпаются по ночам, собрались в «Гуднайт-клуб». Это была бы небольшая группа людей, любящих не спать по ночам. Они были бы из разных мест, но время от времени собирались бы выпить пива где-нибудь на краю земли. Мне было приятно представлять, что такое виртуальное сообщество существует. Оно безвредно, и в нем вместе согреваешься. И я нелепо мечтал после рабочего дня посылать друг другу пожелания спокойной ночи.

Мы рекомендуем друг другу звуки для сна. На YouTube есть звуки дождя, грозы, горящих поленьев и журчащего ручья для людей, страдающих бессонницей в этой всемирной глобальной деревне. Эти видео длятся более двух или трех часов. Один раз кто-то загрузил десятиминутное видео и сразу получил комментарий: «Ты что, дурак? Думаешь, что уснешь через десять минут?»

...Х. взяла почитать «Ветер в ивах». Было бы хорошо, если бы ей понравилась книга. Но если нет,

то ничего не поделывать. Временами у меня возникают следующие мысли: иногда от перечитывания одной книги можно получить намного больше, чем от чтения десяти книг. Эта книга стала для меня именно такой. Нельзя не влюбиться в сцену, где мистер Крот видит свой дом в снегу. Больше всего мне нравится версия с иллюстрациями Патрика Бенсона. С изображением фонаря, висящего под карнизом дома. Не увидев эту иллюстрацию, я бы не вернулся в этот город. Но никто не говорит, что книги умеют слушать. Еще мне нравятся рисунки Эрнеста Говарда Шепарда. Подобно тому, как председатель сельского совета Хван Хи шептал сказку о черной корове, у книг и рисунков тоже есть уши⁶.

Ночь была глубокой, а беседа долгой. Ночь – хорошее время для разговоров.

P. S. Она ушла в моей парке.

Блог книжного магазина «Гуднайт», закрытая запись.
Опубликовал: #

⁶ Речь идет о корейской сказке «Черная корова», в которой мачеха поручала падчерице всю тяжелую работу, а девочке помогала со всем справиться черная корова. Смысл истории в том, что слушать и понимать умеют даже те, кто этого не показывает.

Глава 7. Старый дом во сне

Такси въехало в ворота городского кладбища Хечхон, немного проехало по наклонной дороге и высадило двоих. Хэвон, держа в руках цветы, следом за тетей Мёнё поднялась на холм. Был день рождения бабушки.

Проходя через ряды могил, они остановились перед надгробием, на котором было выгравировано знакомое имя. На алтаре лежал букет новых искусственных цветов, а ветер играл пластиковыми лепестками. Похоже, кто-то недавно посещал это место.

– Должно быть, твоя мама приходила.

Мёне впервые за сегодня что-то сказала. В течение нескольких дней после ссоры они разговаривали лишь по необходимости. Хэвон положила розы рядом с искусственными цветами. Они облили надгробие соджу⁷ и салфетками стерли грязь, снег и разводы от дождя. Потом выложили ткань и фрукты, постелили на лужайку циновку из серебряной фольги и вместе сделали поклон.

Сидя на циновке, Хэвон разрезала сушеную хурму. Она бросила взгляд на бесчисленное количество могил внизу. Мёне зажгла сигарету, щелкнув зажигалкой.

– Ты разве не бросила курить?

Бело-голубоватый дым парил и рассеивался в воздухе.

– Я бросила на несколько дней, когда ты вернулась, чтобы не слушать твои нотации. Но теперь, когда ты даже не думаешь уезжать... – невозмутимо ответила тетя.

Вдали виднелся город Хечхон. Хэвон ела сушеную хурму, глядя, как привокзальная площадь бледнеет в неярком зимнем свете. В детстве, приезжая с мамой к тете, она каждый раз выходила на этой станции. Отца с ними никогда не было: он не любил навещать родственников. С каких-то пор мама стала брать дочь с собой в поездку к тете даже не во время отпуска. Когда мама пропускала работу и отправлялась

⁷ Традиционный корейский алкогольный напиток. В 1497 году умер корейский чиновник Сон Сунхё. В завещании он написал: «Вылейте на мою могилу бутылку соджу». С тех пор в Корее есть традиция поливать могилу соджу.

к родственникам, на ее лице, явно выражавшем отсутствие сна, были синяки разных размеров.

– Хорошо для твоей бабушки, что дочь, о которой она беспокоилась и днем, и ночью, пришла первой. Я, пожалуй, еще годик как следует отдохну, – Мёнё потеряла наполовину прогоревшую сигарету о мерзлую землю.

– О тебе тоже она очень переживала.

– Знаю. Но она действительно всегда любила твою маму больше. Родителям все дети одинаково дороги, но всегда есть тот, на кого возлагают больше надежд.

Хэвон молча смотрела на город. К востоку от привокзальной площади были видны здания средней и старшей школы Хечхона и спортивная площадка. Она слышала бормочущие голоса детей, буквой «Г» согнувшихся над тетрадями в научной лаборатории на верхнем этаже.

«Так выходит, это похоже на непредумышленное убийство?»

Девочки не видели Хэвон, которая за углом протирала полку с анатомической моделью.

«Ничего подобного! Если бы речь шла о несчастном случае, то это считалось бы причинением смерти по неосторожности, но мать Хэвон призналась, что имела намерение убить его».

«Вау, как такое может быть? Боён прямо так и сказала?»

«Да! Ш-ш-ш! Если Ким Боён узнает, что я тебе рассказала, мне конец».

«И что она тебе сделает? Раз боишься, не надо было рассказывать! Она всегда притворялась, что у нее есть совесть, делала все, что от нее просили».

Раздался противный смех. Хэвон толкнула манекен, и тот с грохотом упал. Разлетевшись на куски, анатомическая модель, обнажив внутренности, разбила стеклянную дверцу шкафа, и склянка с биологическим образцом – погруженной в формалин курицей – треснула. Едкая жидкость полилась на пол. Визг школьниц, разбросанные части мертвой курицы, осколки стекла... Эта сцена до сих пор нет-нет да и всплывала в ее памяти.

Несколько дней спустя Хэвон рано утром одна ехала в пригородном поезде. Проехав несколько часов, она вышла на незнакомой станции и два дня жила в обшарпанном гостевом доме. По берегам реки Нактонган росло много хурмы, и на каждой аллее с деревьев здесь свисали плоды, созревшие до насыщенного оранжевого цвета. На третий день ее каким-то образом нашла Мёнё. Увидев тетю, идущую по песчаному берегу реки, Хэвон не поверила глазам.

– О, ты здесь? Ты приехала в красивое место.

Удивленная и смущенная, она продолжала чертить веткой на песке. Некоторое время она молчала, а потом бросила:

– Хочу умереть.

Прозвучало немного по-детски.

– Умрем вместе?

Хэвон посмотрела на нее. Лицо тети было спокойным.

– Если ты хочешь умереть, значит, и мне можно исчезнуть.

В этих словах не было ни малейшего преувеличения. Она знала, что тетя Мёнё говорит искренне. Она была тем человеком, кто делает, когда ее о чем-то просят. И Хэвон медленно покачала головой.

С холма была видна длинная вереница безмолвных могил. Хэвон вдруг показалось, что это кладбище – иллюзия. Каждый из живших когда-то людей ушел вместе со своей историей. Должно быть, при жизни они произнесли бесчисленное количество слов, но сейчас не было слышно ни единого. Но, если так подумать, эти истории все равно далеки от нас. Подул горный ветер, и углы циновки задрожали.

Такси остановилось в центре города Хечхона, высадило одного человека и направилось в сторону Пукхён-ри. Хэвон толкнула вращающуюся дверь аптеки «Ханим». Фармацевту, которого бабушка всегда хвалила – как хорошо умеет готовить лекарства такая молодая девушка! – было сейчас за сорок.

Женщина с густыми теньями для век и длинными волосами с химической завивкой первым делом вручила ей витаминный напиток.

– Сначала выпей это.

Хэвон почувствовала некую силу, приказывавшую ей принять лекарство. Она выпила его и поставила пустую бу-

тылку на прилавок. Фармацевт взяла бутылку и кинула ее в угол, попав в коробку. Раздался треск.

Раньше, когда Хэвон приходила сюда за лекарствами для бабушки, маленькая дочка фармацевта часто играла здесь, то скатываясь с пластиковой горки, то скача на пони на детской площадке. Следы времени были заметны на лице женщины, которая управляла аптекой и заботилась о дочери, не изменились лишь горящие пламенем глаза.

– Я тебя где-то видела.

– Я внучка бывшей владелицы гостевого дома «Пукхён».

– Точно! Помню тебя еще школьницей. А теперь у вас гостевой дом «Грецкий орех»?

Хэвон кивнула, умолчав о том, что бизнес закрыт.

– Глаза твоей тети в порядке? Она была у врача?

– Мы только что были вместе... У тети плохое зрение?

– Возможно, она давно махнула рукой на ситуацию с глазами. Я не понимаю, почему она не слушает меня. Ей нужно обратиться к офтальмологу, пока не стало слишком поздно.

Хэвон вспомнила, как тетя носила солнцезащитные очки в доме. У нее болят глаза?

– Теперь о тебе. Что тебя беспокоит?

– Похоже, я простудилась. У меня болит горло. Наверное, это из-за холодного ветра.

Достав с полки два пузырька с лекарствами, фармацевт положила их в полиэтиленовый пакет.

– По две таблетки три раза в день. Обязательно принимай.

Хэвон протянула карточку и стала ждать. На том месте, где были горка и игрушечный пони, теперь были сложены фильтры для воды и упаковки от лекарств.

– Я помню, как раньше здесь играла девочка. Должно быть, теперь она очень выросла.

– Моя дочь? Ах, да с ней даже не о чем разговаривать. В старших классах учиться совсем перестала, – фармацевт недовольно закатила большие глаза и встряхнула завитыми волосами.

Выйдя из аптеки, Хэвон остановилась на перекрестке. Через дорогу виднелся знакомый зеленый логотип Starbucks.

Устроившись у окна на втором этаже, Хэвон перекусила ланчем с сэндвичем и выпила лекарство от простуды. Местное заведение ничем не отличалось от других сетевых: везде была схожая атмосфера. Достав из экосумки карандаш и альбом для рисования, она развернула его. Солнечный свет падал через окно прямо на белую бумагу, делая ее ослепительно яркой. Что бы нарисовать... Она хотела изобразить так много вещей. Кончики пальцев дрожали в предвкушении... Что же нарисовать в первую очередь?.. Кажется, это и называется страхом чистого листа.

Посетители кафе были заняты своими ноутбуками и планшетами. Видно, все были поглощены делами, одна она замерла, не в силах сосредоточиться. Схватив телефон, она набрала текст.

«Тетя, у тебя болят глаза?»

Через некоторое время пришел ответ.

«О чем ты?»

«Я зашла в аптеку “Ханим”, и фармацевт спросила меня о состоянии твоих глаз».

Ответа не было. Она хотела уже отложить телефон, как выскочило сообщение.

«У меня была инфекция, поэтому я капала глазные капли. Когда-нибудь станет лучше».

От этих слов ее бросило в дрожь. Хэвон больше ни о чем не спрашивала. Ей казалось, что и ей, и тете нужно время.

Карандашом она неосознанно нарисовала контур скорлупы большого грецкого ореха. Затем нарисовала уходящую вниз лестницу, а над ней добавила окно. Если бы существовала книжка с картинками под названием «Ореховый дом», там были бы именно такие иллюстрации, но эта идея уже так не будоражила ее: она давно перестала быть ребенком. Здесь был родной город ее матери и тети, но это не был родной город Хэвон. И дом по-прежнему являлся домом ее тети, а она в нем всего лишь гостя.

Когда она видела сны... Если во сне она видела дом, то это был старый дом в Сеуле. Во сне, когда Хэвон была одна или с кем-то, хорошим или плохим, всегда появлялся старый дом. На крыше были качели, над воротами росли глицинии, а забор был расколот на мелкие кусочки.

Было начало лета с освежающим запахом дождя. На углу улицы собрались и шептались люди. Там стояла и гудела полицейская машина, а стена дома была разбита, обнажив цемент. На капоте знакомой машины была большая вмятина, как будто она врезалась в забор. Повсюду были разбросаны лозы глицинии и были хорошо заметны лежащие на земле окровавленные рабочие перчатки.

Что, если бы она до конца утверждала, что это был несчастный случай? Мама могла бы настаивать на этом, но она не стала объясняться или оправдываться. Она заявляла, что не специально ускорила в направлении своего мужа, но, очевидно, это было и не случайно. По ее словам, он знал, что неизбежно получил бы увечья. Он будто был намерен покончить с собой. Маму приговорили к семи годам тюрьмы.

Автобус, направлявшийся в Пукхён-ри, проехал уже полпути по круговой развязке. Хотя она и призналась тете Мёнё, что останется здесь на какое-то время, на самом деле это не так. Ей просто пришлось сделать перерыв в середине зимы, а потом она обязательно вернется в Сеул. Глядя в окно и подперев рукой подбородок, Хэвон рассеянно подумала, что хотя она и любит тетю, но у нее нет уверенности, что они не поссорятся друг с другом, живя вместе.

Вечером Хэвон пришла в книжный магазин с паркой Ынсопа. В прошлый раз она пила чай и позаимствовала у вла-

дельца заведения книгу, поэтому подумывала что-нибудь купить сегодня.

Бнсоп, целый день трудившийся на катке, устало зевал и протирал пол шваброй. Хэвон протянула ему сумку с паркой.

– Спасибо за куртку. И я еще не прочитала книгу, которую взяла у тебя.

– Можешь читать в своем темпе, – сказал Бнсоп, взяв у нее одежду и положив ее на стул. – Хочешь пива?

Ее глаза слегка расширились.

– У тебя есть пиво? Давай.

Бнсоп улыбнулся и указал на бар:

– Можешь взять оттуда. У меня сейчас руки грязные из-за уборки.

Открыв мини-холодильник, она увидела сверкающие алюминиевым корпусом пивные банки разных марок. Хэвон взяла банку любимой марки. За барной стойкой висел деревянный шкаф, а в нем стояла дешевая кофемолка.

– Разве это пиво не продается?

Он покачал головой, протирая пол у двери.

– Для этого нужно регистрироваться как предприятие по продаже продуктов питания и напитков, но я не могу себе этого позволить. Этим пивом я время от времени угощаю членов клуба.

В последние дни встреч в книжном магазине не было, потому что Бнсоп был очень занят на катке. Но по возможно-

сти он старался не пропускать их. Он был полон решимости продержаться до весны или хотя бы до таяния льда.

Хэвон поставила пиво и взяла с полки книгу. Ее внимание привлекло издание в самодельном переплете. Обложку сшивали, пробивая в ней отверстия. Она бы натерла себе мозоли, сшив таким образом книг сто.

Заплатив за издание, она села за стол и некоторое время читала, прихлебывая пиво. Покончив с уборкой, Ынсоп открыл свой ноутбук и проверил онлайн-заказы. В его обязанности также входило управление домашней страницей, блогом и социальными сетями книжного магазина. На это он тратил еще около часа в день.

То ли из-за тепла от обогревателя, то ли из-за не пропуская сквозняки книжных полок вдоль стен старого черепичного дома, но Хэвон была немного сонной. А может, из-за того, что она давно не пила. Ей показалось, что здесь намного уютнее, чем в «Грецком орехе». Телефоны Хэвон и Ынсопа одновременно пискнули.

Канун Рождества, 19:00.

Рынок Хечхон, рыбный ресторан.

Хэвон смотрела на сообщение с местом встречи выпускников.

– Ты тоже только что получил сообщение от Чану?

– Да, – раздался голос Ынсопа из-за стола.

– Пойдешь?

– Немного поздновато, но думаю, что пойду. А ты?

Что ж... После того как Хэвон уехала из Хечхона, она только один раз посетила встречу выпускников. Тогда ей было не слишком комфортно. А теперь? Хэвон хотела знать, действительно ли она полностью пережила прошлое. Пока она колебалась, у Ынсопа зазвонил телефон.

– Да, я еще не нашел никого на подработку. Верно, два месяца этой зимой. Хотите прийти на собеседование? Тогда подумайте и свяжитесь с нами.

Разговор был коротким, но слова Ынсопа «два месяца этой зимой» остались в ушах Хэвон. Он ищет сотрудника для работы в книжном магазине на два месяца этой зимой?

Хэвон склонила голову и стала размышлять. А что, если ей... Разве это не было бы лучше, чем весь день проводить дома с тетей? Конечно, это все равно что мчать туда, откуда ты уже сбежал, но все же ей нравился этот книжный. Может быть, из-за горького вкуса пива, которое так приятно было пить здесь сегодня вечером.

– Ищешь кого-то на подработку? Если ты не против, могу я поработать?

Ынсоп поднял взгляд от экрана ноутбука:

– Ты?

Хэвон немного нервно кивнула. Ынсоп выглядел удивленным.

– Ты умеешь кататься на коньках?

– Нет.

– Тогда будет сложно. Мне нужен человек, умеющий ка-

таться на коньках.

Ынсопу было явно неловко, поэтому она была в замешательстве.

– Я не знала, что нужно уметь кататься на коньках во время работы в книжном магазине.

До него тут же дошло. «А-а!» Наклонив голову, он хлопнул себя по лбу.

– Извини, я искал кого-нибудь для работы на катке у дяди.

– Ах, вот оно что.

Уютная атмосфера, созданная пивом, исчезла. Чувствуя себя немного смущенно, Хэвон коротко закашлялась, а затем тихо перевернула страницу. В комнате воцарилась тишина. Ынсоп сплел пальцы и, глубоко задумавшись, сказал:

– Получается, ты хочешь работать здесь? Тогда я смогу пойти на каток. Я искал человека, который отвечал бы за безопасность на катке, поэтому не хотел доверять эту работу абы кому. За детьми нужен глаз да глаз.

Хэвон подняла голову. Она мало знала о работе книжного магазина, но была уверена, что справится, если научить ее. Поколебавшись, она кивнула.

– Спасибо. Я сделаю все возможное, чтобы не доставить неприятностей.

– Отлично. Тогда с завтрашнего дня?

– Хорошо.

Ынсоп встал со своего места и подошел к ней, протянув руку. Хэвон взяла его руку и пожала. После этого она схва-

тила книгу и, словно убегая, вышла через раздвижную дверь. На улице она прислонилась к стене черепичного дома и перевела дух. Как это произошло? Она была в растерянности.

Проводив Хэвон, Ынсоп сел на стул. Он сидел и прокручивал в голове их разговор. Ему казалось, что он спит наяву. Даже не оговорил с ней условия... Как непрофессионально!

Глава 8. Каша из опилок и Эльдорадо

– Нужно просто отдать это покупателям.

Был час дня. Когда Хэвон вошла, Ынсоп был занят упаковкой заказов. Книги, заказанные вчера, необходимо было отправить в течение сегодняшнего дня, и он только что пришел с катка.

– Я сделаю, давай.

– Уже всё. Дай мне знать, когда приедет курьер.

Ынсоп сложил вместе пакеты и коробки с заказами,

упакованными в воздушно-пузырчатую пленку. Выслушав некоторые указания, Хэвон распаковала на столе большую принесенную из дома коробку.

– Я хочу кое-что спросить... Сейчас конец года и новогодний сезон, но интерьер здесь, мне кажется, немного скучноват. Что думает владелец магазина?

Она открыла коробку, и в ней оказались елка и разноцветные гирлянды. Ынсоп, который, похоже, не ожидал этого, смотрел на содержимое коробки.

– Я купила это, чтобы украсить гостевой дом, но мне это больше не нужно. А оставить все неиспользованным будет жалко.

– Но ведь ты хотела использовать это в ореховом доме, разве не так?

– Ничего. Долго рассказывать, но, если мы это не используем, придется все выбросить. И к тому же я люблю украшать.

Наконец на губах Ынсопа появилась улыбка. Он слегка покраснел.

– Спасибо.

– Я поставлю елку возле входа. Она почти два метра высотой. Повешу гирлянды на двери и окна. А что, если прикрепить хлопок на оконные рамы, как будто это снежинки? – говорила она, вынимая одну за другой еловые ветки.

– Не слишком ли старомодно – прикреплять хлопок? – осторожно спросил Ынсоп.

– Ты говорил, что этот книжный магазин – старый дом с черепичной крышей? – непринужденно ответила Хэвон.

Он кивнул, попрощался с ней и пошел на каток. Глядя ему вслед, Хэвон испытала неопределенное ощущение. Казалось, Ынсоп чувствовал себя рядом с ней комфортно, но в то же время он как будто не знал, что делать. Когда ему было комфортно, он был как новый человек, которого она встретила, а когда ему было неловко, это был тот парень из старшей школы.

В угловом шкафу Хэвон нашла пылесос и швабру. Она хотела было убрать, но пришла в замешательство: везде и так было очень чисто. Пол и полки были убранными, нигде не было и следа пыли. Должна ли она поддерживать порядок все время? Знает ли хозяин, что у Хэвон мизофобия? Она даже немного занервничала.

Несколько тщетно прибравшись, Хэвон начала собирать елку. Странно бояться человека, которого знаешь. Когда бывшие одноклассники встречаются в качестве работодателя и частично занятого сотрудника, можно предвидеть, что, даже несмотря на разные должности, они будут примерно наравне. В конце концов, платили неплохо. Кстати, случайно не повышена ли оплата из-за того, что они знакомы? А вдруг это для него убыточно? Она почувствовала легкий укол сожаления, но, украшая елку, невольно расплылась в улыбке.

Когда девушка наконец подключила все к розетке, загорелись дерево и маленькие лампочки гирлянд у окна. Она удо-

влетворенно осмотрела интерьер, который в одночасье приобрел атмосферу Рождества. Дверь распахнулась, и вошел мальчик с рюкзаком. Этот ребенок – первый покупатель?

– Добро пожаловать!

– Здравствуйте!

Посетитель кивнул и с восхищением посмотрел на елку. «Вау...» Школьная сумка на спине казалась больше из-за его маленькой фигурки.

– Сейчас каникулы, а ты с рюкзаком?

– Разве сейчас каникулы? Они в январе.

– В самом деле? Поздновато.

– Вместо этого нет весенних каникул. Нам еще много чему предстоит поучиться.

Вот как. Оказывается, сейчас все по-другому. Боже, ее никогда не интересовала повседневная жизнь учеников начальной школы. Тем временем незнакомец привычно направился в сторону бара, достал из шкафа пакет овсянки и наполнил кастрюлю водой.

– Чем ты занимаешься?

– Собираюсь варить овсянку. Я не обедал. Дядя Ынсоп разрешил мне.

Он включил газовую плиту своей маленькой ручкой, засыпал в кастрюлю овсянку и стал варить. Видно, он проделывал это уже много раз.

– Хорошо, что дядя Ынсоп сказал мне, что днем в книжном магазине будет работать тетенька. Уф-ф-ф, как же я

устал кататься на катке. Можно наконец отдохнуть, – мальчик с облегчением вздохнул.

– Значит, ты внук старосты?

– Нет, я внук моего дедушки.

– Кто твой дедушка?

– Чон Гильбок. Когда я здесь читаю, дедушка заезжает за мной в конце дня. Я подожду его здесь.

Улыбка исчезла с лица Хэвон после столь серьезных слов ребенка. Вдобавок ко всему хозяин книжного магазина еще и опекает племянника? Вы, должно быть, очень заняты, Лим Ынсоп.

Хэвон повесила на елку оставшиеся гирлянды и убрала пустые коробки. Мальчик тем временем поставил на стол кастрюлю с овсянкой, не забыв подложить под нее полотенце.

– Кажется, что овсянка сварена с опилками из точилки для карандашей, – съев ложку, заключил ребенок.

– Звучит как каша из опилок. Невкусно?

– Я не сказал, что невкусно, я просто имел в виду, что ее сварили из опилок от карандашей.

Съев овсянку, мальчик встал перед раковиной, вымыл кастрюлю, ложку и положил их сушиться. Затем достал с полки обучающий комикс с именем «Чон Сынхо» на бирке и стал читать. Когда она подумала, что, возможно, впервые за сто лет видит ребенка, читающего книгу, вместо того чтобы играть в игру на смартфоне, от двери раздался радостный голос:

– Боже мой, как сильно изменилась атмосфера! Здесь настоящее рождественское настроение.

Женщина лет пятидесяти в серебристо-сером пальто и розовом шарфе с удивлением смотрела на нее.

– Мок Хэвон, это ты? Что ты здесь делаешь?

– Здравствуйте! Я теперь здесь работаю.

Хэвон улыбнулась Суджон, которую давно не видела. Давняя подруга и одноклассница тети Мёнё, она, несмотря на свои годы, все еще производила впечатление юной девушки.

– Удивительно! Я проезжала мимо на автобусе, увидела гирлянды в окне – и сразу же вышла на остановке.

Со счастливой улыбкой женщина достала из сумки упаковку клубники. Пока Хэвон заваривала чай, она промыла угощение и положила плоды на тарелку.

– Сынхо, иди к нам! Приятного аппетита.

Втроем они пили чай и ели клубнику. Сняв пальто, Суджон продемонстрировала платье, которое сама сшила на швейной машинке. Она по-прежнему выглядела очень молодо, но о ее годах говорили морщинки вокруг глаз и серебристые пряди волос.

– То, что сверкает, всегда истинно... Действительно.

Погруженная в волнение, женщина смотрела на горящие лампочки гирлянд на окнах.

– У меня была подруга, которая напоминает мне эту картину. Когда я училась в старшей школе, мы ходили на озеро Хечхон с подругой по имени Сунён. Это было осенью. Лу-

чи солнца переливались на поверхности озера. Моя подруга спросила, из-за блестящей ли поверхности его называют Эльдорадо.

Хэвон положила вилку и прислушалась. Казалось, Суджон скорее говорит сама с собой, чем обращается к Хэвон, но та не хотела прерывать поток ее мыслей.

– Разве Эльдорадо – не воображаемое место, где много золота? Я не знаю, что блестит в воде. И не знала, что ответить... до сих пор не знаю. А ты знаешь, Хэвон?

Суджон прикрыла рот рукой и улыбнулась, а Хэвон, улыбнувшись в ответ, покачала головой.

– Не знаю. Ваша подруга все еще живет в Хечхоне?

– Нет. Она давно умерла.

– Ох...

– Ей было чуть больше сорока. В последний раз я ее видела, когда пришла к ней в больницу. У изголовья ее кровати стояла небольшая стереосистема. Играла Дасти Спрингфилд... Моя подруга лежала на больничной постели и спрашивала, как называются пыльные поля весной⁸. Она спросила: значит ли, что раз у меня болит душа, то я проживу долго? И засмеялась.

Суджон снова улыбнулась, но ее взгляд затуманился. Быстро поморгав, она прогнала слезы.

– Извини. С возрастом я стала часто плакать. Иногда даже

⁸ Сценическое имя певицы *Dusty Springfield* (англ.) можно перевести как «пыльное весеннее поле».

без причины. Мне так неловко. Может, я просто устала?

– Нет. По сравнению с тетей Мёнё вы почти не выглядите уставшей.

Хотя Хэвон сказала это в шутку, Суджон словно сразу за-была, что только что чуть не расплакалась, и залилась сме-хом.

– Верно, но только по сравнению с твоей тетей. Она со-всем не изменилась: все такой же скверный характер. Все ее друзья умерли, у нее никого не осталось.

Печально цокнув языком, посетительница встала и надела пальто. Она крепко сжала руку Хэвон, а затем произнесла с нежностью:

– Было так приятно увидеть тебя спустя столько времени, Хэвон. Пожалуйста, позаботься о Мёнё и книжном магазине. Кстати, я постоянно прихожу сюда.

– Я только... днем здесь буду.

– Тем не менее.

И, увидев подъезжающий автобус, Суджон побежала на остановку. Как только ее фигура исчезла вместе с автобусом, мальчик, поедающий клубнику, спросил:

– Вас зовут Мок Хэвон?

– Да. А ты Сынхо?

– Да. Я впервые встречаю госпожу Мок. В вашей фамилии есть иероглиф, означающий «дерево»?

Хэвон ответила с ухмылкой:

– Нет, есть иероглиф, означающий «мирный». Ты и этот

китайский иероглиф знаешь⁹?

– Нет. Я сдал тест по китайским иероглифам на восьмой уровень. Похоже, этот иероглиф будет на следующем, – ответил он как ни в чем не бывало и снова уткнулся носом в обучающий комикс.

До заката покупателей не было. Она надеялась, что в первый день продаст хотя бы одну книгу, но этого не произошло.

Когда стало смеркаться, перед книжным магазином остановилась тачка. Старый и худой мужчина со сгорбленной спиной заглянул внутрь.

– О, дедушка! – Сынхо, сияя от радости, поставил книгу на место и закинул рюкзак на плечи. – Завтра я снова приду.

Внук обнял своего дедушку, и морщинистое лицо старика растянулось в улыбке. Он осторожно склонил голову в закрывающей уши шапке, Хэвон попрощалась с ними в ответ. Мальчик сел в пустую двухколесную тачку, и они отправились на другую сторону улицы.

Потемнело, и девушка зажгла свет. Загорелись еще четыре лампы накаливания: теперь в помещении стало светлее. Часы показывали семь, короткое зимнее солнце село. На сто-

⁹ Многие слова, в том числе имена и фамилии, в корейском языке имеют иероглифическое произношение. В таком случае слог представляет собой корейское чтение китайского иероглифа. Соответственно, такой слог несет в себе значение иероглифа. Восьмой уровень является начальным и предполагает знание около 50 иероглифов. Всего есть 15 уровней, самый высокий предполагает знание 5978 иероглифов.

ле зазвонил телефон. Это был Ынсоп.

– Я не знал номер твоего мобильного, поэтому звоню на рабочий. Неправильно перерабатывать в первый же день, но боюсь, что опоздаю на полчаса. Только приведу в порядок...

– Все нормально.

– Я приду как можно скорее.

– Все в порядке, правда. Я пока отдохну. Приходи, как закончишь.

Хэвон открыла альбом для рисования. Перед ней был чистый белый лист.

В конце концов она взяла карандаш и стала рисовать непрерывную линию. Ей пришло в голову, что человеческий разум подобен лабиринту. Есть ли преграда между разумами тети Мёнё и Хэвон? Иногда это заросли роз и папоротника. Раньше это была колючая проволока. Она вспомнила лицо Суджон, которая днем приходила в магазин. Они нечасто встречались, и их нельзя было назвать подругами, но та легко смогла заплакать перед Хэвон. Хотя Суджон и казалась слабой, девушка подумала, что, может быть, на самом деле она сильнее тети Мёнё. Потому что она умеет и смеяться, и плакать.

Погруженная в свои мысли, она водила карандашом по бумаге. Запутанные, но никогда не пересекающиеся линии – лабиринт. Ластиком Хэвон провела прямую линию – проход. Потом прочертила еще один. Все это были заборы, но казалось, что между ними теперь есть узкая калитка.

Забыв о времени, девушка погрузилась в рисование лабиринта. Чтобы выход найти было непросто, перекрыла путь стеной, потом добавила тупик. Но она не забывала, что в конце концов все равно нужно прийти к выходу: в лабиринте обязательно должен быть выход.

Дверь открылась, и вбежал Ынсоп, тяжело дыша и неся за собой поток холодного воздуха.

– Добро пожаловать!

– Прости. Ничего не произошло?

– Ничего, за исключением того, что не продала ни одной книги.

– Иногда бывают такие дни. Должно быть, есть онлайн-заказы. Не волнуйся.

Ынсоп взял клубнику с тарелки на столе и поднес ко рту. Он весь день работал на катке и теперь сел рядом с обогревателем, словно обнимая его.

– Тетя Суджон принесла, – сказала Хэвон, кончиком карандаша указывая на посуду.

– Ах, Чхве Суджон. Она замечательный посетитель книжного магазина.

Глядя, как Ынсоп доедает оставшуюся клубнику, она задумчиво спросила:

– О, ты знаешь это слово? Явление, при котором солнечный свет блестит на поверхности воды.

– Знаю.

Но ответа не последовало, поэтому Хэвон сказала:

– Если знаешь, скажи.

– Даже если скажу, ты снова забудешь.

– Эй, почему это!

Он беззвучно рассмеялся.

– Это называется блик.

– Блик... – попыталась пробормотать Хэвон себе под нос.

Красивое слово. При следующей встрече она скажет об этом Суджон.

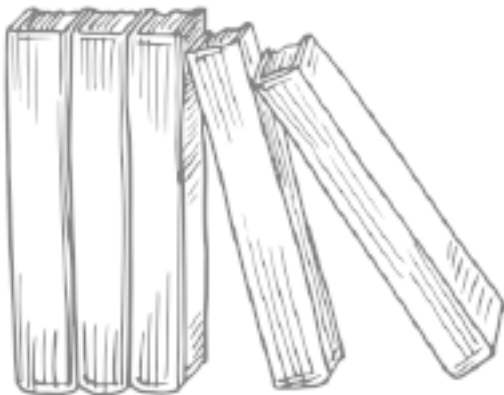
На альбом для рисования упала тень. Ынсоп смотрел на ее набросок. Лабиринт представлял собой заросли папоротника.

– Ты изучала искусство?

– Да.

У него в мгновение посветлело выражение лица и зажглись огоньки в глазах. Хэвон стало любопытно, что бы это могло значить. В книжном магазине было тепло, а через стеклянные двери, словно пейзаж на открытке, виднелись зимние ночные поля. Все, кроме сверкающих вывесок и фонарей, погрузилось в крошечную темноту, что навевало умиротворение.

Глава 9. Аристократка с запада

БЛОГ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

20 декабря

Вчерашний привоз: «Заброшенный дом ждет», Пе Ёдон

Получил независимое издание «Заброшенный дом ждет». Это своего рода путевые заметки, опубликованные клубом путешествий по заброшенным зданиям и приуроченные к десятилетию его

деятельности. В книгу включены обзоры и фотографии, сделанные во время посещений известных в Корее заброшенных домов и домов с привидениями, а также относительно менее известных заброшек. Несколько страниц посвящено психиатрической больнице А. в Кёнгидо, где, по слухам, тоже можно встретить призраков.

Если эта книга, выпущенная небольшим тиражом, получит хороший отклик, авторы подумают о большем тираже совместно с каким-нибудь крупным издательством. Интересны сравнения дневных и ночных видов каждой локации. Фотографии намеренно напечатаны бок о бок. Отправляясь в заброшенный дом или дом с привидениями, помните: в них нельзя идти одному. Прислушайтесь к этому совету! Не потому, что это опасно, а потому, что когда вы встретите призрака, то не сможете это доказать без свидетеля.

Волшебный книжный магазин

Вчера ничего не писал в блог, так как всю ночь убирал в книжном магазине. Я искал сотрудника в магазин, чтобы работать на катке, и еще кого-нибудь для отрисовки иллюстраций. Да, она аристократка с запада. (Сеул же находится на западе.) Убирался, как сумасшедший, и очень устал. Не хотелось выглядеть владельцем, который не заботится о чистоте. Я смел всю старую пыль, накопившуюся здесь за все это время.

Х. украсила помещение к Рождеству. Я не узнал свой магазин! Думаю, мне не стоит тратить всю свою

оставшуюся до конца жизни удачу прямо сейчас.

Некоторые руководства

Х. задала несколько вопросов, и было трудно честно на них ответить. Потому что я из тех, кому проще писать, чем говорить... Кроме того, я даже не могу спокойно говорить с ней. (Это по-своему тяжело.)

После некоторых размышлений я решил показать вам статью о владельцах независимых книжных магазинов в Канвондо. Серия интервью была запланирована мэрией Хечхона прошлой весной. Где же апрельский выпуск «Новостей Хэчхона»? Он лежал в ящике стола... Поделюсь всего несколькими отрывками.

Вопрос. Книжный магазин «Гуднайт» расположен в Пукхён-ри, в сельской местности. Разве такое месторасположение не является недостатком?

Ответ. Конечно, это невыгодно. Пукхён-ри – мой родной город. Но одним из преимуществ открытия книжного магазина именно здесь было отсутствие платы за аренду, потому что этот небольшой старый черепичный дом, в котором раньше жила пожилая пара, хотели снести. Я выбрал Пукхён-ри со спокойной душой, думая, что не платить ежемесячную арендную плату – это прекрасное условие и что, даже если бы независимый книжный магазин находился в центре города Хечхона, больших изменений в продажах не было бы.

Вопрос. На домашней странице вашего магазина указаны часы работы с 13:00 до 20:00. Вы на самом деле их соблюдаете?

Ответ. Да, у нас есть официальные часы работы, но мы не можем соблюдать их постоянно. Время открытия и закрытия действительно иногда меняется, но предупреждаю, что мы не работаем по понедельникам. Книжный магазин «Гуднайт» часто открыт до полуночи. Я люблю работать по ночам, поэтому остаюсь в нем, если не слишком устал. Когда зритель не спит всю ночь, книжный магазин не спит вместе с ним.

Вопрос. В чем привлекательность управления собственным книжным магазином?

Ответ. Трудно утверждать, что именно в этом, но сейчас я пробую систему хранения книг. Цель книжного магазина заключалась в том, чтобы он был как уютная гостиная: чтобы читатели, купившие книгу, могли оставить ее на полке и в любое время вернуться и почитать ее. Некоторые уже так и делают, но еще рано говорить о том, что за нашим магазином закрепился такой стиль обслуживания.

Вопрос. Вы получаете как массовые издания, так и независимые. Каковы их доли? И каковы критерии отбора независимых изданий?

Ответ. Пятьдесят на пятьдесят. Поначалу доля книг от крупных издательств была невысокой, но дети из села часто приходят к нам, и они хотят читать познавательные комиксы или популярные детские

книжки. Даже в сложных жизненных обстоятельствах бабушки и дедушки хотят покупать внукам книги. Поэтому постепенно процент таких книг вырос. Критерии отбора независимых изданий должны отражать вкусы книготорговца. Я не могу сказать, что у меня наметан глаз, но если мне что-то нравится и я сам хочу это прочитать, то привожу в магазин. Стараюсь продать по возможности без возвратов.

В то время, думаю, я был достаточно серьезно увлечен интервью, но теперь, после того, как сменили друг друга три времени года?.. И фото не слишком удачное: репортер снял его в тот день наспех, так что вышло не очень. (Он сфотографировал меня без предупреждения.)

Производство новогодних открыток

Я попросил у Х. нарисовать иллюстрацию для новогодней открытки. Думаю, напечатаю пятьсот экземпляров. Сколько должна стоить картинка? Нужно спросить ее. Она знает лучше.

Если этой зимой я буду так же работать на катке, мне придется отдать все свое время этому делу. Чтобы платить Х. за работу в магазине... Думаю, мне нужно больше работать на катке. Я так живу. Желаю вам всем легкой жизни. Но я счастлив, что Х. теперь работает со мной в книжном магазине. Всего несколько дней назад это было невообразимо. ☺

К середине января планируем начать рассылать новогодние открытки¹⁰. Пожалуйста, подождите, читатели «Гуднайт-клуба». Рисунки Х. прекрасны.

Хотя я их еще не видел.

Блог книжного магазина «Гуднайт», закрытая запись.

Опубликовал: #

¹⁰ Речь идет о празднике Соллаль – корейский Новый год по лунному календарю.

Глава 10. Лось в ночи

В переулке рынка Хечхона вывеска рыбного ресторана была самой большой и яркой. С наступлением темноты большинство лавок закрывалось, и только водоотталкивающая ткань, накрывающая столы, время от времени хлопала на ветру.

Встреча выпускников старшей школы Хечхона в ресторане на шесть или семь столиков была в самом разгаре. Большие порции сашими были размещены на каждом столе среди тарелок с гарниром, и по мере того, как разговоры становились громче, росло количество бутылок пива и соджу.

Прошло много времени с тех пор, как Хэвон пила крепкое соджу из Канвондо, и, чтобы не слишком пьянеть, она съела керанччим¹¹. Хотя шумные встречи одноклассников были ей непривычны, она была рада видеть лица людей, с которыми долгое время не пересекалась.

– Кто-нибудь еще должен прийти?

– Лим Ынсопа еще нет, – ответил кто-то.

Хэвон хотела уточнить почему, но за центральным столом заговорил Чану:

– Ынсоп сказал, что закроем книжный магазин и придет.

Рядом с Чану сидела Боён в полупальто, но Хэвон почти не обращала на нее внимания. Она не думала намеренно избегать ее, но как-то и не было причин для разговора.

– У него книжный магазин? Похоже, он решил здесь остаться.

– Лим Ынсопа же нет в нашем выпускном альбоме. Разве он не заканчивал на год позже?

– Так и было. Он же почти не ходил в школу.

Вмешиваясь в разговор, Чану хитро произнес:

– Ну, раз мы заговорили о прошлом, то давайте хотя бы выпьем.

Хэвон почувствовала себя странно, увидев, как одноклассники улыбаются, разговаривая об Ынсопе.

– Вот как? Почему же я не знала...

– Тебя тогда не очень интересовали люди вокруг, – сказа-

¹¹ Омлет, приготовленный на пару с добавлением различных ингредиентов.

ла с улыбкой рано вышедшая замуж за своего коллегу одноклассница, держа на руках свою маленькую дочь и вытирая ей нос салфеткой.

Кажется, она услышала реплику Хэвон. Мин Джиён – она вспомнила ее имя.

– Да?

– Да. Раньше было такое впечатление.

Ее слова не звучали как упрек, и Хэвон подумала, что, возможно, так и было. Ей казалось, что она обращает внимание на других людей, но при этом она все же заботилась больше о своих проблемах.

Хэвон отставила стакан. Боён смотрела прямо на нее. По выражению лица одноклассницы можно было понять, что она хочет много чего сказать, но тут в ресторан вошел Ын-соп.

– Что ж, теперь, когда все пришли, снова нальем по стакану.

Принеся еще напитки, официант поставил новые закуски и забрал грязную посуду. Кто-то нашел пульт, уменьшил громкость новостного канала с настенного телевизора до нуля и постучал палочками по бутылке¹², привлекая внимание.

– Минуту внимания! Были мнения, что двадцать третью встречу выпускников нужно организовать должным образом. Поэтому сегодня мы должны избрать президента, вице-президента и секретаря.

¹² В Корее едят металлическими палочками.

– Нам обязательно это делать? Можно же просто встретиться, – заговорила девушка с противоположной стороны.

– Еще нам нужно что-то придумать, чтобы на случай разных семейных событий мы могли быстро друг с другом связаться и, может, даже отправить венок при случае, не так ли?

– Потому что нам уже тридцатник? Нет уж, спасибо.

Сразу начались дебаты, кто – за, кто – нет, и разразился смех. Прийти к какому-то решению долго не удавалось. Одна сторона пыталась создать что-то вроде комитета, другая же не проявляла к этому особого интереса.

Двухлетняя девочка, сидевшая на коленях у матери, продолжала трогать Хэвон за руку, поэтому Джиён приходилось поправлять детские ладошки дочурки.

– Почему она продолжает прикасаться к тебе?

– Должно быть, хочет рассмотреть рисунок.

Когда Хэвон закатала рукав, за который хваталась девочка, на ее запястье обнаружилась татуировка. Это был геометрический узор, словно нарисованный аквагримом. Одноклассник, сидевший напротив, поднял голову:

– Ух ты, у Хэвон красивая татуировка. Я тоже хочу себе набить, но боюсь боли.

– Хэвон сделала татуировку?

Интерес стал распространяться, как рябь на воде, и она высоко подняла руку, чтобы как следует показать узор.

– Это настоящая татуировка или хна?

– Хотелось бы сказать, что настоящая, но это не так. Тату

на одну ночь акриловыми красками. Иногда в зависимости от настроения я что-то рисую.

Несмотря на разочарование от того, что татуировка оказалась ненастоящей, все дружно засмеялись. Рисунок представлял собой острый наконечник стрелы, пересекающий водоворот. В тот день ей хотелось быть немного воинственной. Ёнсоп, сидевший у входа, показал ей большой палец.

Девочка рядом с ней снова дернула ее за рукав.

– Ой, извини. Мы тебе не мешаем? – спросила мать девчушки.

– Все нормально.

– Я всегда волнуюсь, когда беру с собой ребенка.

Джиён улыбнулась, словно извиняясь. Она поправила спутанные волосы дочери и прицепила ей заколку в виде помидорки.

Принесли кастрюли с горячим меунтаном¹³. Пустые бутылки из-под алкоголя выстроились рядами. Хоть и было много несогласных, но каким-то образом все же создали комитет. Как и ожидалось, Ли Чану стал председателем.

Хэвон хотела встать, но она сидела в углу. Сиденья были тесными, а пальто и пуховики были сложены рядом с подушками, так что сидящим в ряд одноклассникам пришлось бы согнуться, чтобы она могла выйти.

За столиком, где собрались наиболее общительные, в ка-

¹³ Острый рыбный суп.

кой-то момент стали играть в «проверку фактов», раскрывая секреты друг друга.

– Итак, когда тебя поймали с готовыми ответами на промежуточных экзаменах, ты убеждал всех, что это не так. Теперь давайте будем очень честными. Так было ли это списыванием или нет?

– Просите меня ответить? Мои оценки постоянно менялись. И не копайтесь в этом спустя столько времени после окончания университета.

– Вау, ты слышал, что говорит этот придурок? Это реально было.

Вдруг девушка, сидевшая посередине, похлопала в ладоши, чтобы привлечь внимание, и весело закричала:

– Итак, поднимите руку, кто сделал пластическую операцию.

Затем она сама подняла правую руку.

– Двойные веки считаются¹⁴?

– Что это за пластическая операция на двойное веко? Любой, кто сделал хотя бы две, поднимайте руку!

Девушка подняла вторую руку и крикнула «ура», вызвав много смеха.

– Почему никто не поднимает?

– Никто не делал. Только ты. Ты что, самоубийца?

– Не может быть! Я вижу по некоторым лицам, – она ве-

¹⁴ «Европеизация» век, модная в Корее.

село хихикнула, указывая на всех вокруг.

Хэвон рассмеялась и снова посмотрела на часы. Как бы незаметно уйти?..

Внезапно ее глаза встретились со взглядом Чану. Как президент, он выпил все рюмки, предложенные одноклассниками, и в его веселых глазах светилась игривость, что придавало ему зловещий вид. Чану указал на нее и громко сказал:

– Мок Хэвон пытается сбежать. Попалась.

– Я? Чем докажешь?

– Просто посмотрел на тебя и понял.

Он усмехнулся и добавил, но на этот раз с серьезным лицом:

– Хэвон не тот человек, который приходит на встречу каждый год. Я не знаю, когда этот день снова наступит. Самое печальное в мире – это игнорирование чувств, верно? Просто послушай один раз.

– О чем ты говоришь? Скажи так, чтобы было понятно, – упрекнул кто-то рядом.

Чану сначала указал на Ынсопа.

– На этот раз, наш Ынсоп, давай проверим факты... Был один человек, который тебе нравился, когда ты учился в школе. Сейчас этот человек здесь.

Послышались удивленные возгласы:

– У тебя была такая тайна?

– Почему ты спрашиваешь о таком, это подло!

Чану махнул рукой, прося тишины.

– Помолчите. Я должен узнать это сегодня. Иначе, думаю, умру. Кто это был, Лим Ынсоп? Кто тебе понравился?

Все взгляды обратились на Ынсопа. Он почему-то улыбался, скрестив ноги, и выглядел немного смущенным. Он, кажется, не слишком много выпил и был, как обычно, в своем голубом свитере.

– Хочешь штрафную?

Когда Ынсоп попытался выпить, Чану закричал «забери-те!», и сидевший рядом молниеносно выхватил стакан и выпил вместо Ынсопа. Кто-то выдохнул и засмеялся.

– Слышал же, иначе Чану может умереть. А может, и пусть?

Парень почесал затылок и спокойно заговорил, словно ничего особенного в этом не было:

– Что ж... Это была Мок Хэвон.

На мгновение все замерло, а потом словно по щелчку слышались взрывы смеха и аплодисментов. А Хэвон была сбита с толку. Что только что произошло? Она не верила своим ушам, а Чану с облегчением улыбнулся.

– А сейчас?

Ынсоп ответил:

– Да брось. Первая любовь – дело прошлое.

– Они очень давно не виделись. Должен был остыть.

Кто-то вздохнул, а кто-то вмешался:

– Тише. Давайте теперь послушаем человека, которому признались.

Все внимание сосредоточилось на ней. Как выйти из этой ситуации? Как реагировать – сделать вид, что ничего не слышала, потому что была пьяна, или вдруг нахмуриться... Наконец Хэвон ответила как бы в шутку:

– Десять лет прошло, раньше нужно было признаваться.

Был ли это приемлемый ответ? К счастью, тему разговора сменили. Она не знала, какое выражение лица было у Ынсопа, потому что не смотрела него, но Хэвон чувствовала себя сбитой с толку. Кажется, что после получения признания в любви собеседник сразу повернется. У него не будет времени ни на трепет, ни на понимание того, что произошло.

Когда в глазах Хэвон отразился упрек, Чану сложил руки вместе, словно требуя внимания, склонил голову и широко улыбнулся. Все никак не уймется. Покачав головой, она схватила стакан и залпом выпила его.

Той же ночью

На прикроватной тумбочке рядом с кроватью, где спала тетя, Хэвон поставила термос и чашку с кельмёнджа-ча¹⁵. Каштан, который дремал, лежа на животе, украдкой посмотрел на нее и почему-то пошел следом.

– Ты умеешь подниматься по лестнице? Я думала, ты живешь только внизу, ты же тяжелый.

¹⁵ Чай из жареных семян сенны.

Каштан проследовал в комнату Хэвон на втором этаже, обнюхал все закоулки и тихо сел у ножек стула.

На столе лежал рисунок, нанесенный акриловыми красками. Благодаря дорогому сорту бумаги работать кистью было одно удовольствие. На нем были изображены поля и яркая лунная ночь. Через раздвижную дверь черепичного дома с вывеской книжного магазина падал желтый свет. Снег устилал каждый сантиметр крыши, а ночной ветер колыхал тонкие листья ивы у входа. Скутер словно задремал, прислонившись к стене, а две сороки на крыше смотрели на луну.

На самом деле ивы у магазина не было, но Хэвон рисовала, немного фантазируя. Она хотела изобразить на новогодней открытке зиму и весну рядом, раскрасив снег на крыше в белый цвет, а листья ивы в голубой. Рисунок на ее запястье, который она нанесла днем, исчез, и теперь на нем были изображены два листа ивы. Ей нравилось ощущать связь с тем, что изображено на картине.

«Ва-ак».

Странный звук эхом разнесся по ночному небу. Хэвон остановила кисть. Каштан нервно поднял голову и наострил уши.

«Ва-ак».

Услышав это во второй раз, Каштан залаял и быстро бежал вниз по лестнице.

– Спокойно! Иди сюда. Тебе нельзя выходить.

Хэвон поспешно последовала за ним, уняв пса, который

стукнулся мордой о запертую входную дверь, и вышла наружу.

С огорода донесся какой-то шорох. Было непохоже, что это человек. Тихо встав в тень уличного фонаря, она стала наблюдать. Лось, выкапывавший несобранный замерзший урожай, поднял голову. Человек и зверь молча смотрели друг на друга. Время как будто остановилось...

Затаив дыхание, она смотрела, как лось снова опустил голову и начал находить и поедать замерзшие овощи. На тропе, ведущей к горе, слышался звук шагов. Хрустнула сухая ветка.

– Хэвон, что ты там делаешь?

Лось взревел, и она коротко вскрикнула от неожиданности. Животное в одно мгновение убежало в сторону горы, и от всего произошедшего осталось лишь мимолетное чувство.

Шаги принадлежали Ынсопу.

– Ой, как ты меня напугал, – она приложила руку к груди.

– Я сам испугался.

Ынсоп оглянулся на то место, где исчез дикий зверь. Тропа, конец которой терялся во тьме, была черной как смоль.

– Это лось.

– Лось?

– Да. Зимой в горах им нечего есть, поэтому они спускаются в деревню.

Он выключил фонарик, который держал в руках, и сунул

его в карман куртки. Хэвон наконец глубоко вздохнула и расслабилась. Оказывается, большое животное, похожее на оленя, пришло сюда в поисках еды.

– И это он так ревел? Такой неприятный звук.

Ынсоп улыбнулся:

– «Ва-ак», такой?

– Да.

– Да, так ревет лось. И не подумаешь, правда?

Хэвон перестала улыбаться. От него исходила холодная и одинокая аура, словно он ходил в горы ночью.

– Что ты делал ночью в горах?

– Последний автобус уже ушел, пришлось прогуляться.

– Из центра города досюда?

– Всего час по горной дороге.

Для него это было обычным явлением. Гора позади была ему знакома, как второй дом, и по ночам, когда он не мог уснуть, он часто совершал долгую прогулку с фонариком. За время, что он шел, алкоголь, выпитый на встрече выпускников, выветрился. Немного помедлив, парень сказал:

– Надеюсь, ты не обиделась за то, что произошло на встрече.

Хэвон покачала головой:

– Нет, ни капельки.

– Пока шел, подумал, что можно было просто придумать имя.

Ночной ветер был холодным, и Хэвон запахнула кардиган.

Взгляд Ынсопа остановился на ее запястье.

– Рисунок уже другой.

– Да. Я нарисовала новый, он мне нравится.

– Можно посмотреть?

Хэвон кивнула и протянула левую руку. Ынсоп взял ее за запястье и осторожно повернул так, чтобы на него падал свет уличного фонаря. Она почувствовала прикосновение его пальцев к своей коже и неосознанно опустила взгляд.

Ынсоп смотрел на нарисованные листья.

– Это ивовый лист.

Казалось, что где-то на глубине его души тускло загорелись огни маяка. Этот свет появился в его глазах, но быстро скрылся.

Ынсоп был озадачен, когда понял, что его сердцебиение участилось. В этот момент парень понял, что это было все то же давнее чувство, которое он помнил, как шутку, написанную в блоге. Он думал, что оно осталось, как блеклый эпизод, потому что исчезло некоторое время назад. Повторится ли эта зима снова? Сердце Ынсопа начало сильно биться.

Глава 11. Мы собираемся, чтобы читать

Настала последняя в уходящем году встреча книжного клуба. Пока участники собирались в книжном магазине, Хэвон, держа в руках длинную метлу, стояла под карнизом дома.

С карниза свисал очень большой паук. Она хотела избавиться от паутины еще несколько дней назад, но каждый раз ей казалось, что паук размером с кулак смотрит прямо на нее, и она не могла просто смахнуть его метлой. Ынсоп вышел сделать надпись мелом на доске и наткнулся на нее.

– Что делаешь?

– Думаю, что мне делать с этим пауком. Слишком большой и жуткий.

– Все в порядке. Он все равно впадет в спячку.

В паутине висел пойманный жук. Паук-кругопряд, видимо, не двигался.

Ынсоп стер старый текст губкой и начал писать новый. Раздался приятный скрип мела по доске.

– Не думай об этом. Здесь холодно, – сказал он, отложив мел.

– Я не то чтобы боюсь пауков, но он... некрасивый.

– Тем не менее паутина всегда идеальна.

В конце концов Хэвон отставила метлу в сторону.

– Ну, если так считает хозяин.

Подойдя к нему, она прочитала новый текст на доске. Эта фраза была вызвана ледящим холодом, который не прекращался день за днем.

40 градусов – это даже не алкоголь.

40 градусов мороза – это даже не холод.

400 километров – это даже не расстояние.

Русская пословица

Рождество прошло, но елка и лампочки гирлянд все еще мигали: все захотели оставить их на зиму. Солнце село, и на поля Пукхён-ри спустился вечер.

Дедушка Сынхо жарил на большой сковороде, стоящей на электрической плите, мандарины. Суджон положила сладкий картофель, запеченный ранее в духовке, на одну сторону

сковороды, чтобы тот не остыл. Сынхо, сидя рядом с бабушкой и поедая сладкий картофель, проговорил:

– Дедушка все жарит. Яйца жарит, сладкий и обычный картофель жарит, тток¹⁶ и мандарины тоже жарит.

– Вы правда жарите мандарины? Пахнет очень вкусно, – Суджон, накинувшая шаль и греющаяся у обогревателя, была поражена.

– Да, все что угодно можно пожарить. В жареном виде все вкуснее.

На лице Сынхо было выражение гордости. Затем он взял дольку мандарина и снял с него белые волокна:

– Вы знаете, как они называются? Приклеенные на мандарин ниточки.

– Не знаю. У них есть название?

– Это альбеда, – он гордо улыбнулся.

– Откуда ты это знаешь? – спросила Суджон.

– Дядя Ынсоп рассказал.

– Правда? Наш хозяин книжного прямо ходячий словарь!

Тут Хёнджи, местная старшеклассница, которая играла в игру на смартфоне, произнесла:

– Не думаю, что это комплимент. Кажется, это означает, что ты скучный человек.

– Это предубеждение. Приятно открывать любую страницу энциклопедии и читать ее, открывать для себя то, что ты раньше не считал возможным.

¹⁶ Десерт из клейкого риса.

При этих словах Суджон Хёнджи – на голове у нее была шапка цвета хаки – на мгновение задумалась, а затем кивнула, соглашаясь.

– Кстати, мои друзья также активно юзают Намувики.

– Наму... что?

– Это интернет-энциклопедия, – сказала Хёнджи, не переставая быстро тыкать пальцами в сенсорный экран.

Дедушка Сынхо достал что-то из кармана старого пальто. Вяленый спинорог распластался на сковороде, и его края стали быстро сморщиваться от жарки. Когда запах распространился по книжному магазину, Хёнджи бросила смартфон и со скоростью света понеслась к плите.

– Вау, вяленый спинорог! – и она принялась отрывать кусочки жареной рыбы. В одном ухе у Хёнджи висела очаровательная сережка черепа, а в другом – топора.

Раздвижная дверь громко открылась, и важно вошел мужчина в дубленке – Пэ Гынсан.

– Здравствуйте! На доске снаружи – это русская пословица? Какой размах. Люблю русских!

Встряхивая грузное тело, Пэ Гынсан сидел на стуле, скрестив ноги, как будто ему узко.

– Сейчас холодные дни, поэтому меня это очень тронуло. Как так получилось, что в последнее время холоднее, чем когда я был в армии?

– Вы служили? – спросил Ынсоп, печатавший за столом на ноутбуке.

– Конечно. В нашей части было так холодно, что однажды соджу замерзло, а потом растаяло и превратилось в жижу.

– Алкоголь замерз? Он же не замерзает, – спросила Хён-джи, жуя рыбу.

– Замерзает. Пиво замерзает при минус четырех градусах, соджу... Насколько холодно должно быть, чтобы замерзло соджу?

Ынсоп ответил на вопрос:

– Минус семнадцать градусов.

– Ах, мороженое!

Суджон открыла окно и достала висевший на решетке снаружи пакет. В мини-холодильнике не было морозильной камеры, поэтому она повесила его за окном. Женщина потрогала мороженое и осталась довольна: совсем не подтаяло!

Заморозки продолжались несколько дней. В такие дни говорили, что ледяной воздух, пришедший с Северного полюса, заморозил всю страну. Новостные сообщения о том, что этой зимой на Корейском полуострове холоднее, чем в Антарктиде и Сибири, повергали людей в шок.

Съев вместе со всеми кусочек мороженого, Ынсоп взял лист бумаги формата А4 и вернулся к столу.

– Теперь, когда все собрались, начнем?

Суджон попросила подождать минутку, подняла руку и вытащила из сумки небольшую плетеную корзинку.

– Почему бы нам на встречах не складывать телефоны в корзинку? Думаю, что было бы неплохо на время отложить

телефон.

Суджон застенчиво улыбнулась, но Хёнджи ответила неопределенно, возясь со смартфоном:

– А это удобно? Обсуждая стихи, невозможно покупать каждый сборник. А если забить название в поисковую строку, можно сразу же найти нужное стихотворение. И в процессе обсуждения можно сразу находить то, что нас заинтересовало.

– Стихи можно распечатать. Конечно, для нашего хозяина книжного это может быть немного хлопотным, но...

– Мне может срочно позвонить мой деловой партнер. Тот, у которого нет фиксированного рабочего дня, – Гынсан озорно улыбнулся.

Ынсоп уладил ситуацию, раздав печатные материалы:

– Как быть с телефонами, каждый решит сам, а сейчас возьмите по одному экземпляру.

Суджон колебалась. Затем осторожно переместила корзину к краю и положила в нее свой мобильный телефон. Когда Хэвон положила свой мобильный туда же, подруга тети посмотрела на нее с благодарностью и улыбнулась.

– Сегодня должна была быть встреча, посвященная вашим работам, но, наверное, это было бы для вас слишком обременительно, так как конец года всегда у всех напряженный. Поэтому вместо этого я дал задание прочитать какое-либо произведение, в котором описывается снежный пейзаж, и записать понравившийся вам отрывок. Вы можете свободно вы-

ражать свое мнение.

Гынсан с любопытством на лице спросил Сынхо, сидевшего напротив него:

– Кстати, малыш, ты тоже выполнил задание?

– Да, я тоже читал книгу об идущем снеге.

– О, понятно. Похвально!

Дедушка у плиты поставил сковороду и, медленно встав, подошел к стулу в углу, затем сел на него и задремал.

Суджон первой развернула свою распечатку.

– Я прочитаю выбранный мной отрывок. Это начало «Снежной страны» Ясунари Кавабаты. «Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции. Отсюда начиналась снежная страна. Ночь посветлела»¹⁷... На самом деле я думаю, что этим уже все передано. И мне кажется, я никогда не читала вступления, описывающего заснеженный пейзаж, более захватывающего, чем это.

– Я набрал в поисковике «стих об идущем снеге», и это то, что выскочило первым.

¹⁷ Перевод с японского З. Рахима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.